

своего стана, полных плеч, очень открытой, по тогдашней моде, груди и спины...”. В гостиную входит молодой князь Андрей Болконский, муж маленькой княгини, — “небольшого роста, весьма красивый молодой человек с определенными и сухими чертами. Все в его фигуре, начиная от усталого, скучающего взгляда до тихого мерного шага, представляло самую резкую противоположность с его маленькою оживленною женой”. По всему было заметно, что все в гостиной ему знакомы и надоели так, что не хочется видеть их, особенно хорошенькое лицо жены, от которой он тут же отворачивается. Князь Андрей сообщает Анне Павловне о том, что едет на войну, адъютантом к Кутузову, а жена отправится в деревню. При встрече с Пьером лицо Андрея освещается “неожиданно-доброй и приятной улыбкой”. Анна Павловна обещает князю Василию “заняться” Пьером. В передней князя догоняет дама “с добрым, исплуканным лицом”. Это неимущая княгиня Друбецкая, а просит она за своего сына Бориса, чтобы его взяли в гвардию. Князь Василий вспоминает, что своими первыми шагами по службе он был обязан отцу княгини Друбецкой, он чувствует что-то вроде укола совести и обещает ей помочь. В обществе между тем идет разговор о Наполеоне. Пьер восхищается им. Андрей Болконский говорит: “Нельзя не сознаться, Наполеон как человек велик на Аркольском мосту, в госпитале в Яффе, где он чумным подает руку, но... но есть другие поступки, которые трудно оправдать”. Постепенно гости расходятся. Анна Павловна между тем успела переговорить с маленькой княгиней о планах женить Ипполита на княжне Мери. Пьер едет к Андрею. Тот его поучает: “Нельзя, топ спег, везде все говорить, что только думаешь”, спрашивает Пьера, кем он намерен стать — военным или дипломатом. Тому не нравится ни первое, ни второе. Когда Пьер вернулся из-за границы, отец отправил его в Петербург избрать себе поле деятельности. “Ну, для чего вы идете на войну?” — спрашивает Пьер у Андрея. “Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь — не по мне!” — отвечает Андрей Болконский. Появляется жена Андрея. Начинается пустая болтовня. Муж смотрит на жену так, словно только что заметил, что, кроме него и Пьера, в комнате кто-то еще есть. К ее страхам он относится холодно. “За что ты ко мне так переменялся?” — спрашивает княгиня со слезами в голосе. Княгиня уходит. За ужином Андрей говорит другу: “Никогда, никогда не женись, мой друг; не женись до тех пор, пока ты не скажешь себе, что ты сделал все, что мог, и до тех пор, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбрал, пока ты не увидишь ее ясно, а то ты ошибешься жестоко и непоправимо. Женись стариком, никуда не годным. А то пропадет все, что в тебе есть хорошего и высокого. Все истратится по мелочам... Моя жена, — продолжал князь Андрей, — прекрасная женщина. Это одна из тех редких женщин, с которою можно быть покойным за свою честь; но боже мой, чего бы я не дал теперь, чтобы не быть женатым!.. Бонапарте, когда он работал, шаг за шагом шел к своей цели, он был свободен, у него ничего не было, кроме его цели... Но свяжи себя с женщиной — и, как скованный колодник, теряешь всякую свободу... Отец мой прав. Эгоизм, тщеславие, тупоумие, ничтожество во всем — вот женщины, когда они показываются так, как они есть”. Андрей советует Пьеру не ездить к Кура-гиным, не вести их жизнь: кутежи, гусарство. Расставшись с другом, Пьер, тут же забыв свое “честное слово”, едет к Анатолию Курагину, где давно уже идет кутеж. Семеновский офицер Доло-хов, человек

небогатый, без всяких связей, при этом известный игрок и бретер, держит пари с англичанином Стивенсом, что выпьет бутылку рому, сидя на окне третьего этажа с опущенными наружу ногами. Захмелевший к тому времени Пьер порывается повторить “подвиг” Долохова. Все обходится. Ком-ания едет куда-то продолжать кутеж.

Князь Василий Курагин исполнил обещание, данное княгине Друбец-кои, устроив ее сына Бориса прапорщиком в гвардейский Семеновский полк. Анна Михайловна Друбецкая приезжает в Москву к своим богатым родственникам Ростовым, где с детства воспитывался ее обожаемый Боренька. У Ростовых празднуют именины матери и младшей дочери Наташи. Граф Ростов хлопочет по хозяйству, следит за тем, чтобы все было в порядке. Друбецкая тем временем сообщает хозяйке петербургские сплетни: сын князя Василия Анатолий и Долохов совершенные разбойники, но тем не менее готовы головы свои сложить за императора. Наташа меж тем продолжает свои проказы. Соня плачет, потому что Николай уходит скоро в армию, к тому же, она ему двоюродная сестра, и чтобы жениться, нужно разрешение митрополита... а она бедна, и все скажут, что она портит Николаю карьеру. Все это ей сказала, конечно же, Вера. Наташа утешает Соню. Наташа вспоминает вдруг Пьера: “Этот толстый Пьер такой смешной!” В гостиной Наташа подходит к Пьеру и, краснея, говорит: “Мама велела вас просить танцевать”. Пьер смущен. Наташа счастлива: она танцует с большим, с приехавшим из-за границы. После этого граф Ростов показывает с сановной дамой Марьей Дмитриевной, как танцевали в его времена.

Все

весело

рукоплещут.

В то время как у Ростовых танцевали и повара готовили ужин, с графом Безуховым сделался шестой удар, доктора объявили, что надежды больше нет. Главнокомандующий Москвы, присылавший беспрестанно адъютантов справляться о здоровье больного, приезжает сам проститься с графом Безуховым. Приемная полна. Главнокомандующего провожает похудевший и побледневший за последние дни князь Василий. Потом он поспешно направляется к старшей княжне на заднюю половину дома. Заводит разговор о завещании. Княжна убеждена, что Пьеру старый граф не мог завещать — ведь он незаконный! Князь Василий сообщает, что умирающий писал письмо императору с просьбой об усыновлении Пьера. Письмо не было отправлено, но император знает о нем. Тогда Пьер получит все. Надо отыскать старое завещание и показать его графу, пока он не умер. Княжна сообщает, что завещание в мозаиковом портфеле под подушкой у больного. В это время карета с Пьером и Анной Михайловной въезжает во двор графа Безухова. Пьер совершенно растерян, не знает, что ему делать и куда идти. Он смиренно садится туда, куда ему указали. Появляется, величественно вышагивая, князь Василий и входит в покои умирающего. Выбегает бледная Анна Михайловна и зовет его на соборование. Пьер подходит к постели больного, но тот уже никого не видит и ничего не понимает. Церемонией прощания суетливо руководит Анна Михайловна. При виде страдальческой улыбки на лице отца Пьер чувствует содрогание в груди, и слезы затуманивают его зрение. В приемной между тем идет борьба

за

моза-398

иковый портфель, выкраденный старшей княжной. Она утверждает, что настоящее завещание находится у графа в бюро, а это просто пустая бумага. За портфель цепко

хватается Анна Михайловна. Тишина. Слышны только звуки усилий борьбы за портфель. “Что ж вы молчите?” — кричит княжна Пьеру. Из комнаты больного выбегает возмущенная средняя княжна, которую оставили там одну. Анна Михайловна хватается за портфель и бежит в спальню, старшая княжна и князь Василий — за ней. Они тут же выходят. Граф скончался.

В Лысых Горах, в имении князя Николая Андреевича Болконского, ждут со дня на день приезда молодого князя Андрея с княгиней; но ожидание не нарушает обычного порядка, по которому шла жизнь в доме старого князя. “Генерал-аншеф князь Николай Андреевич... с того времени, как при Павле был сослан в деревню, жил безвыездно в своих Лысых Горах с дочерью, княжной Марьей, и при ней компаньонкой, т-11е Воцпеппе. И в новое царствование, хотя ему и был разрешен въезд в столицы, он также продолжал безвыездно жить в деревне”. Князь, отец Андрея, человек суровый, своевольный, считает, что есть только два источника людских пороков: праздность и суеверие, и что есть только две добродетели: деятельность и ум. Он сам занимается воспитанием своей дочери и для того, чтобы развить в ней добродетели, дает ей уроки алгебры и геометрии, и вообще все ее время расписано по часам. Сам он тоже занят то писанием мемуаров, то задачами высшей математики, то точением табакерок, то еще чем-нибудь. Порядок в его образе жизни доведен до последней степени точности. Все в этом доме совершается ежедневно в один и тот же час, в одну и ту же минуту. Княжна Марья запугана невероятно, боится всякой встречи с отцом. После очередного испытания Марья возвращается в свою комнату — отец вручил ей письмо от ее подруги Жюли Карагиной и присланную ею книгу. В письме — московские новости. Молодой Николай Ростов оставил университет и поступил в армию. Жюли горюет по этому поводу. Главная новость — смерть графа Безухова. Три княжны получили какую-то малость, князь Василий — ничего, а Пьер — наследник всего и, сверх того, признан законным сыном и потому графом Безуховым и владельцем самого огромного состояния в России. Анна Михайловна собирается женить на Марье сына князя Василия Анатоля. Он большой повеса, хорош собой. В ответном письме Марья пишет, что знала Пьера еще ребенком, у него всегда было прекрасное сердце. Ей жаль Пьера, на которого свалилось такое богатство. Приезжает князь Андрей со своей женой. Отец спит, поднимется через двадцать минут. Гости идут к княжне Марье. Женщины обнялись, князь Андрей пожал плечами и поморщился, как морщатся любители музыки, услышав фальшивую ноту. Княжна Марья повернулась к брату, и сквозь слезы любовный, теплый и кроткий взгляд ее прекрасных в ту минуту, больших лучистых глаз остановился на лице князя Андрея. Княгиня между тем говорит не умолкая. Андрей сообщает, что идет завтра на войну. Княгиня жалуется, что муж покидает ее здесь. Из расспросов Андрея об отце чувствуется его любовь и уважение к нему. За обедом, по настоянию отца, князь Андрей излагает ему операционный план предполагаемой кампании. Старый князь считает Бонапарта ничтожным французишкой, имевшим успех только потому, что уже не было Потемкиных и Суворовых противопоставить ему. Андрей возражает: “А Бонапарте все-таки великий полководец!” Он удивлен, “как мог этот старый человек, сидя столько лет один безвыездно в деревне, в таких подробностях

и с такою тонкостью знать и обсуждать все военные и политические обстоятельства Европы последних годов”.

На другой день вечером князь Андрей собирается уезжать. К нему приходит Марья. “Надо быть снисходительным к маленьким слабостям; у кого их нет, Апйге!” Княжне Марье вообще свойственно старание понять и пожалеть каждого. Об отце она судить не смеет, хотя, конечно же, ей очень тяжело с ним. Единственное, что ее расстраивает, так это его насмешливое отношение к Богу. Марья просит брата принять ее подарок — образок. “Из больших глаз ее светились лучи доброго и робкого света. Глаза эти освещали все болезненное, худое лицо и делали его прекрасным”. Князь Андрей искренен с сестрой: “Знай одно, Маша, я ни в чем не могу упрекнуть, не упрекал и никогда не упрекну мою жену, и сам ни в чем себя не могу упрекнуть в отношении к ней; и это всегда так будет, в каких бы я ни был обстоятельствах. Но ежели ты хочешь знать правду... хочешь знать, счастлив ли я? Нет. Счастлива ли она? Нет. Отчего это? Не знаю...” Андрей просит отца позаботиться о жене. Отец, понимает, что Андрей женился неудачно, хотя они об этом почти не говорят. “Ну, теперь прощай! — Он дал поцеловать сыну свою руку и обнял его. — Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне, старику, больно будет... — Он неожиданно замолчал и вдруг крикливым голосом продолжал: — А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно!” — взвизгнул он. “Этого вы могли бы не говорить мне, батюшка”, — улыбаясь сказал сын. Князь Андрей просит отца, чтобы в случае его гибели еще не рожденный его сын рос у деда.

ЧАСТЬ

II

Октябрь 1805 года. Русские войска занимают села и города эрцгерцогства Австрийского, другие полки, прибывая из России, располагаются у крепости Браунау. Здесь находится квартира главнокомандующего Кутузова. Один из полков, после тридцативерстного перехода, без отдыха, готовится к смотру — ожидают главнокомандующего. Солдаты всю ночь чинятся и чистятся. К утру все блестит чистотой. Полковой командир доволен. Есть только одно обстоятельство, насчет которого никто не может быть спокоен. Это обувь. Больше чем у половины людей сапоги разбиты. Но это не вина полкового командира — австрийское ведомство не отпустило ему товар, а полк прошел тысячу верст. В это время появляется адъютант из главного штаба — подтвердить полковому командиру то, что было сказано неясно во вчерашнем приказе, а именно то, что главнокомандующий желает видеть полк совершенно в том положении, в котором он шел •— в шинелях, в чехлах и без всяких приготовлений. Союзники требовали от Кутузова скорейшего соединения с армией эрцгерцога Фердинанда и Мака, а потому Кутузов желал продемонстрировать австрийскому генералу, в каком печальном положении приходили русские войска из России. Адъютант, хотя и не знал всего этого, от имени главнокомандующего потребовал, чтобы люди были в шинелях и чехлах, иначе будет плохо. В строю выделяется солдат в шинели другого цвета. Это разжалованный Долохов.

Появляется коляска. В ней Кутузов и австрийский генерал. Кутузов указывает австрийскому генералу на разбитую обувь, говорит ласковые слова офицерам, знакомым ему по турецкой войне. Сразу следом за главнокомандующим шагает его

адъютант — князь Андрей. Он напоминает Кутузову о Долохове. Тот просит дать ему возможность загладить свою вину и доказать свою преданность государю императору и России. Полк весело расходится по квартирам. Над колонной взвивается

песня.

Вернувшись со смотра, Кутузов приказывает принести ему карты и бумаги. Андрея он просит остаться. Он говорит австрийскому генералу, что если бы дело зависело только от его желания, то он уже присоединился бы к эрцгерцогу. Показывая хвастливое письмо, полученное от эрцгерцога Фердинанда, Кутузов упоминает решительную победу генерала Мака, так что австрийские войска, по его мнению, уже и не нуждаются в помощи русских войск. Австриец хмурится. Предположение Кутузова о победе австрийцев было весьма похоже на насмешку. Кутузов просит князя Андрея составить меморандум из донесений русских лазутчиков. Покинув Россию, князь Андрей очень изменился. Было видно по всему, что он занят приятным и интересным делом. Усталости, притворства и лени как и не бывало. Кутузов отличал его среди прочих адъютантов, давал более серьезные поручения. Из Вены он написал письмо своему старому товарищу, отцу князя Андрея: “Ваш сын надежду подает быть офицером, из ряду вон выходящим по своим знаниям, твердости и исполнительности. Я считаю себя счастливым, имея под рукой такого подчиненного”. В штабе к Андрею относятся по-разному — большинство его не любят, считают холодным, надутым и неприятным человеком. Таких князь Андрей заставил

себя уважать и бояться.

В ставке Кутузова неожиданно появляется Мак. Австрийцы разбиты и сдали всю свою армию под Ульмом. Увидав Мака и услышав подробности разгрома его армии, князь Андрей понял, что половина кампании проиграна, понял всю трудность положения русских войск и живо вообразил себе то, что ожидает армию, и ту роль, которую он должен будет играть в ней. Но он боялся гения Бонапарта, который мог оказаться сильнее всей храбрости русских войск, и вместе с тем не мог допустить позора для своего гения. Мысля широко, князь Андрей резко обрывает своего сотоварища, смеющегося над поверженным Маком: “Мы — или офицеры, которые служим своему царю и отечеству и радуемся общему успеху и печалимся об общей неудаче, или мы лакеи, которым дела нет до господского дела”. Николай Ростов служит в гусарском Павлодарском полку под командой ротмистра Денисова, известного всей кавалерийской дивизии под именем Васьки Денисова. Вместе с ним он занимает лучшую квартиру в деревне, находящейся в двух милях от Браунау. 8 октября поздно утром Денисов возвращается в дурном настроении — он проигрался. Он дает Ростову пересчитать оставшиеся у него деньги и положить кошелек

под

подушку.

Вместе с Денисовым является офицер Телянин, переведенный за что-то из гвардии. Его не любят. Он никогда не смотрит в глаза человеку, с которым говорит. Ростов выходит по делу из дома и, возвращаясь, встречает в сенях Денисова — тот вышел попить воды. Телянин сидит в комнате один. После его ухода Денисов не находит кошелек. Ростов предлагает ему в долг. Денисов набрасывается на денщика. Ростов вступается за него — он знает, кто взял. Он идет к Телянину, но тот уехал в штаб. Ростов едет в штаб. В

деревне, где располагался штаб, был и трактир, где Ростов и застаёт Телянина. Он публично обвиняет Телянина в краже. Тот возвращает деньги. Ростов швыряет ему свой собственный кошелек.

Вечером в компании офицеров обсуждается сегодняшнее происшествие. Ростов при офицерах обвинил сослуживца в воровстве. Что остается в таком случае полковому командиру? Отдать под суд офицера и замарать весь полк? А чтобы дело замять, Ростов должен извиниться перед полковым командиром. В конце концов Ростов соглашается. А Телянин сказался больным и будет приказом исключен из полка. В разгар спора входит офицер и объявляет поход — Мак со всей армией сдался в плен.

Завтра выступать.

Войска Кутузова отступили к Вене, уничтожая за собой мосты. 23 октября русские войска переходят реку Энс. На высоком берегу стоит начальник арьергарда со свитой. Тут же присланный главнокомандующим Несвицкий. Он угощает окружающих пирожными. Офицеры посматривают на находящийся на горе женский монастырь. Генерал недоволен задержками на переправе. Он посылает Несвицкого поторопить их и напомнить, чтобы последние зажгли за собой мост. На мосту давка. Неприятель обстреливает переправу. Несвицкий видит Денисова, который требует, чтобы пехота освободила дорогу эскадрону. Наконец все прошли. Против неприятеля на той стороне остался только эскадрон Денисова. Юнкер Ростов чувствует себя совершенно счастливым. Денисов хочет атаковать. Ему приказано отступить. К полковнику Богдановичу подъезжает Жерков, сообщает, что надо зажечь мост. Несвицкий, который должен был раньше передать этот приказ, все перепутал. Полковник приказывает второму эскадрону, в котором служит Ростов под командой Денисова, вернуться назад к мосту. Ростов горд. Он бежит по мосту. А с той стороны моста — неприятель. Кто успеет первый? Гусары успели зажечь мост.

Французы сделали три картечные выстрела.

Тридцатипятидесятая русская армия отступает, преследуемая сотысячной французской армией под начальством Наполеона. Недостает продовольствия, доверия союзникам нет. Когда армию настигает неприятель, арьергард отбивается. Отступление убыстряется. Австрийские войска отделились от русских, Кутузов может полагаться только на свои истощенные силы. О защите Вены не может быть и речи. Вместо наступательной, глубоко обдуманной, по законам новой науки — стратегии войны, план которой был передан Кутузову в его бытность в Вене австрийским гофкригсратом, единственная, почти недостижимая цель, представлявшаяся теперь Кутузову, состояла в том, чтобы, не погубив армии, подобно Маку под Ульмом, соединиться с войсками, шедшими из России. 28 октября Кутузов переходит с армией на левый берег Дуная. Здесь, на левом берегу, он разбивает французскую дивизию. Впервые взяты трофеи. Победа воодушевила раздетых, изнуренных солдат.

Князь Андрей находился во время сражения при убитом в этом деле австрийском генерале Шмите. Под ним самим была ранена лошадь, пулей оцарапало руку. В знак особой милости главнокомандующего Андрея посылают с известием о победе к австрийскому двору в Брюнн. Андрей едет в почтовой бричке, счастливый, и вдруг на одной из станций обгоняет обоз русских раненых — бледных, грязных. Все они ранены в последнем бою.

Князь Андрей дает им три золотых. Подъезжая ко двору, Андрей представляет себе, как его будут расспрашивать и что он будет отвечать. Его принимает военный министр, совершенно равнодушно, даже не глядя на него, читая какие-то бумаги. “Было столкновение с Мортье? Победа? Пора!” — вот и весь его ответ. Зато как он огорчен гибелью Шмита! Эта гибель, по его мнению, — дорогая плата за победу. Выйдя из дворца, князь Андрей почувствовал, что весь интерес и счастье, доставленные ему победой, оставлены им теперь и переданы в равнодушные руки военного министра и учтивого адъютанта.

В Брюнне князь Андрей останавливается у своего знакомого, многообещающего русского дипломата Билибина. В Вене он занимал довольно значительное место. Это один из тех дипломатов, которые любят и умеют работать, причем работают одинаково хорошо, в чем бы ни состояла сущность работы. В разговоре он был оригинально-остроумен, вставлял замечания только по делу и только кстати. Князь Андрей рассказал ему о приеме у военного министра. Болконский удивлен: “Мак теряет целую армию, эрцгерцог Фердинанд и эрцгерцог Карл не дают никаких признаков жизни и делают ошибки за ошибками, наконец один Кутузов одерживает действительную победу... и военный министр не интересуется даже знать подробности!” Билибин возражает: какое им всем дело до русских побед! Вот если бы эрцгерцог Карл победил хоть роту пожарной команды Бонапарте — вот тогда да! Ко всему прочему, Вена уже занята, а Бонапарт в Шенбрунне. “Неужели вы думаете, что кампания кончена?” — спрашивает князь Андрей. Билибин отвечает: “Австрия осталась в дураках, а она к этому не привыкла. И она оплатит... Между нами, мой милый, — я чутьем слышу, что нас обманывают, я чутьем слышу сношения с Францией и проекты мира, тайного мира, отдельно заключенного”. “Это было бы слишком гадко”, — говорит Андрей.

На следующий день князь Болконский едет во дворец императора Франца. В кабинете Билибина он встречается с князем Ипполитом Курагиным, секретарем посольства. Сотрудники посольства мало интересуются войной, их волнуют в основном повышения, назначения и проч. Император пожелал дать Болконскому отдельную аудиенцию. У князя Андрея сложилось такое впечатление, что император Франц не знает, о чем с ним говорить. Вопросы его самые пустые. Князь Андрей награжден австрийским орденом Марии-Терезии 3-й степени. Назначено благодарственное молебствие. Кутузов награжден высоким орденом. Внезапно появившийся Билибин сообщает, что французы перешли без всякого сопротивления де роп1 йе ТаЪог в Вене, причем мост оказался невзорванным, хотя был заминирован. Так что теперь французы на этом берегу Дуная. Князь Андрей едет в армию. Билибин предлагает ему ехать вместе с русским посольством в Ольмюц. Андрей думает: “Еду для того, чтобы спасти армию”. В ту же ночь князь Андрей отправляется в армию, не зная, где он найдет ее, и опасаясь быть перехваченным французами. Самые зловещие слухи о положении армии доходили до него дорогой, и вид беспорядочно бегущей армии подтверждал эти слухи. Повозки, мешавшиеся команды, артиллерия и опять повозки, повозки всех возможных видов, в три, четыре ряда запружавшие грязную дорогу. Крики и стоны. По лицам офицеров было видно, что они отчаивались в возможности остановить этот беспорядок.

Въехав в деревню, Болконский увидел Несвицкого. Оказалось, что главнокомандующий здесь же. Князь Андрей идет к Кутузову. Тот находится в избе с князем Багратионом и австрийским генералом Вейротером, заменившим Шмита. Кутузов выходит с Багратионом на крыльцо и говорит ему: “Ну, князь, прощай. Христос с тобой. Благословляю тебя на великий подвиг”. На глазах Кутузова слезы. Болконский просится остаться в отряде князя Багратиона. Кутузов отвечает, что ему самому нужны хорошие офицеры. “Ежели из отряда его завтра придет одна десятая часть, я буду бога благодарить”, — говорит Кутузов. Огромные силы французов стремились перерезать связь кутузовских войск с войсками, шедшими из России. Кутузов послал наперерез четырехтысячный авангард Багратиона, который, опередив французов, должен был задерживать их, сколько мог. Пройдя с голодными, разутыми солдатами, без дороги, по горам, в бурную ночь сорок пять верст, растеряв третью часть отставшими, Багратион прибыл в назначенное место несколькими часами ранее французов. И тут вмешалась судьба. Мюрат, встретив слабый отряд Багратиона, подумал, что это была вся армия Кутузова, и предложил перемирие на три дня. Для Кутузова это было единственное средство выиграть время, дать отдохнуть измученному отряду Багратиона и пропустить свои обозы вперед. Перемирие дало неожиданную возможность спасти армию. Но ошибка Мюрата должна была скоро открыться. Бонапарт сразу же разгадал обман. Пока солдаты Багратиона варили кашу, к Мюрату скакал адъютант Бонапарта с грозным посланием. Князь Андрей, настояв на своей просьбе, явился к Багратиону. Он просит позволения объехать позиции и узнать расположение войск. Офицеры были мокрые, с грустными лицами, солдаты таскали из деревни двери, лавки и заборы на костры. Болконский с сопровождавшим его штаб-офицером заходит в палатку маркитантки. Там сидят несколько человек. Штаб-капитан ругает капитана Тушина за то, что он без сапог. Тушин оправдывается, говорит, что, как сказывают солдаты, “разумшись ловчее”. Андрей чувствует симпатию к капитану Тушину. Дальше князь Андрей едет один. Солдаты сидят голые вокруг костров, сушат свои рубахи, чинят сапоги, толпятся вокруг кашеваров. Фельдфебель выдает каждому по стопке. Какой-то солдат подошел к французской цепи и о чем-то быстро разговаривает с французским гренадером. Это Долохов. Объехав всю линию войск, князь Андрей поднялся на батарею, с которой, по словам штаб-офицера, все поле было видно. Это и была батарея Тушина. Князь Андрей видит, что линия французов шире нашей и они легко могут обойти нас с обеих сторон. Сзади нашей позиции крутой и глубокий овраг, по которому трудно отступать артиллерии и коннице. Князь Андрей чертит себе в блокноте план расположения войск. Он считает, что всю артиллерию надо сосредоточить в центре, а кавалерию отвести назад, на ту сторону оврага. Находясь у батареи, он все время слышит переговаривающиеся голоса. Один задушевный голос привлекает его внимание. Речь идет о смерти: “Коли бы возможно было знать, что будет после смерти, тогда бы и смерти из нас никто не боялся... Боишься неизвестности, вот чего”. Оказывается, это капитан Тушин. И тут слышится свист, неподалеку шлепается ядро. Из палатки первым выскакивает Тушин: доброе, умное лицо его было несколько бледно. “Началось! Вот Оно!” — думал князь Андрей... “Но где зке? Как же выразится мой Тулон?” Встретив по пути князя Багратиона, он

возвращается с ним к батарее Тушина. Впереди них ударилось ядро. Капитан Тушин командует огнем батареи. Никто ему не приказывал, он действует по своему разумению. Багратион, отъезжая от батареи, посылает адъютанта Жеркова сказать старшему генералу, чтобы тот отступил как можно быстрее за овраг. Про Тушина же и батальон, прикрывавший его, было забыто. Князя Андрея поражает то, что Багратион только старается делать вид, что все идет согласно с его намерениями, хотя все происходит по необходимости, случайности и воле частных начальников. Несмотря на все это, присутствие Багратиона делало чрезвычайно много. Начальники становились спокойнее, солдаты и офицеры весело приветствовали его и становились оживленнее в его присутствии. Идет бой. Багратион, спешившись с коня, пошел вперед по неровному полю. Он не давал нового приказа и все так же молча шел перед рядами. Вдруг между французами треснул один выстрел, другой, третий... и по всем расстроившимся неприятельским рядам разнесся дым и затрещала пальба. Несколько наших упало... Но в то же мгновение, как раздался первый выстрел, Багратион оглянулся и закричал: “Ура!” Атака 6-го егерского полка обеспечила отступление правого фланга. В центре действие забытой батареи Тушина... останавливало движение французов. Багратион послал Жеркова к генералу левого фланга с приказанием немедленно отступать. Тот тронул лошадь и поскакал. Но едва только он отъехал от Багратиона, как силы изменили ему. На него нашел непреодолимый страх, и он не мог ехать туда, где было опасно. Вместо этого он стал отыскивать генерала и начальников там, где их не могло быть, и потому не передал приказа. Пока идет бой, кипит перебранка между командующими левого и правого флангов. Люди же полков, не ожидая сражения, спокойно занимаются мирными делами. Французы напали на солдат, собиравших дрова в лесу. Гусары были отрезаны от пути отступления налево французской цепью. Эскадрон, где служил Ростов, только что успевший сесть на лошадей, был остановлен лицом к неприятелю. Не было команды. Никто не двигался. “Поскорее, поскорее бы”, — думал Ростов. Наконец раздалась команда Денисова. Началась атака. Ростов охвачен восторгом и азартом. Под ним убило лошадь. Он в растерянности. К нему подбегают французы. Ростов схватил пистолет и, вместо того чтобы стрелять из него, бросил им в француза и побежал к кустам, что было силы. Его ранил в руку. В кустах — русские стрелки. Долохов отличается в бою — остановил роту, взял в плен офицера, о чем и сообщает полковому командиру. Кроме того, Долохов ранен штыком, но остался в строю. Просит отметить и это. Про батарею Тушина было забыто, и только в самом конце боя, продолжая слышать канонаду в центре, князь Багратион послал туда дежурного штаб-офицера и потом князя Андрея с приказом батарее отступать как можно скорее. Прикрытие, стоявшее подле пушек Тушина, ушло по чьему-то приказанию в разгар боя; но батарея продолжала стрелять и не была взята французами только потому, что неприятель не мог предполагать дерзости стрельбы четырех никем не защищенных пушек... Он предполагал, что здесь, в центре, сосредоточены главные силы русских, и два раза пы-

ся атаковать этот пункт, и оба раза отступал под картечными выстрелами одиноко стоявших на этом возвышении четырех пушек. ...Неприятель выставил правее десять пушек и стал бить из них по Тушину. Наши артиллеристы заметили эту

батарею только тогда, когда два ядра и вслед за ними еще четыре ударили между орудиями и одно повалило двух лошадей, а другое оторвало ногу ящичному вожатому. Офицер, товарищ Тушина, был убит в начале боя, и в продолжении часа из сорока человек прислуги выбыли семнадцать, но артиллеристы все так же были веселы и оживленны. Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха, и мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову. Напротив, ему становилось все веселее и веселее. Приехавший штаб-капитан кричит ему, что уже два раза ему было приказано отступать. Через минуту приехал адъютант с тем же приказанием. Это был князь Андрей. Вид разгромленной батареи был ужасен. Но князь Андрей остался. Он решил, что отведет орудия с позиции. Они надели на передки два из четырех уцелевших орудия и двинулись в гору. Тут князь Андрей попрощался с Тушиным, пожал ему руку. Как только Тушин со своими орудиями вышел из-под огня и спустился в овраг, все набросились на него с упреками и замечаниями. Тушин, расстроенный, молчал. По дороге он нагрузил лафеты пушек ранеными. К нему подходит бледный гусарский юнкер, контуженный в руку, и просит посадить его. Было видно, что юнкер просится уже не в первый раз. Его посадили. Это был Ростов. Насилу с помощью пехоты подъезжают к деревне. Тут суматоха. Но батарея стоит на месте. Разожгли костер. Ростова перетащили к огню. Тушин сидит над ним, глядя на него с сочувствием. Тушина вызывают к генералу Багратиону. Он благодарил отдельных начальников и расспрашивал о подробностях дела и о потерях. Полковой командир хвастается тем, что хотел сделать, но не сделал. Упоминает о Долохове. Ложь полковника поддерживает Жерков, который тоже ничего не видел. Багратион требует сообщить, каким образом в центре было брошено два орудия. Дежурный штаб-офицер ничего путного сказать не может. На пороге появляется Тушин. Только после вопроса Багратиона во всем ужасе представилась ему его вина и позор в том, что он, оставшись жив, потерял два орудия. “Не знаю... ваше сиятельство... людей не было, ваше сиятельство”. “Вы бы могли из прикрытия взять!” Тушин не сказал о том, что никакого прикрытия не было. Он боялся подвести этим другого начальника и молчал. Молчание прервал князь Андрей. Он говорит, что сам Багратион посылал его к Тушину. Он был там и нашел две трети людей и лошадей перебитыми, два орудия исковерканными и прикрытия никакого. Князь Андрей заявляет, что успех сражения обеспечен прежде всего действиями этой батареи и геройской стойкостью капитана Тушина с его ротой. Багратион отпускает Тушина. Тот потихоньку благодарит князя Андрея. Князю Андрею грустно и тяжело. Все это было так непохоже на то, на что он надеялся. Николай Ростов, страдая от боли, видит в забытии свою мать, Соню, Наташу, Денисова, всю свою историю с Теляниным и Богданычем. Он чувствует себя одиноким и никому не нужным.

На другой день остаток отряда Багратиона присоединился к армии Кутузова.

ЧАСТЬ III

Князь Василий никогда не обдумывал своих планов, но, смотря по обстоятельствам, у него складывались различные планы и соображения, в которых он сам не отдавал себе хорошенько отчета, но которые составляли весь интерес его жизни. Таких планов и соображений у него бывало в ходу десятки. При встрече с каким-нибудь

человеком инстинкт в ту же минуту подсказывал ему, что он может быть ему полезен, а потому князь Василий сблизился с ним, льстил, делался фамильярен. Как будто рассеянно и вместе с тем с несомненной уверенностью, что так должно быть, князь Василий делал все, что нужно было для того, чтобы женить Пьера на своей дочери. Он был одарен редким искусством ловить именно ту минуту, когда надо и можно было пользоваться людьми.

Князь Василий устраивает для Пьера назначение в камер-юнкеры, увозит в Петербург и селит в своем доме. Пьер, вдруг сделавшись богачом и графом Безуховым, оказывается постоянно окруженным людьми и занятым. Все кругом убеждены в его высоких достоинствах. Даже его прежние враги становятся его обожателями. Сердитая старшая княжна раскаивается в прежних недоразумениях. Пьер берет ее за руку и просит извинения, сам не зная за что. С этого дня княжна начала вязать полосатый шарф для Пьера и совершенно изменилась к нему. Князь Василий подсовывает Пьеру на подпись вексель в тридцать тысяч в пользу княжон. Он решил таким образом отделаться от их притязаний на наследство. Простодушному Пьеру кажется естественным, что все его любят, он не мог не верить в искренность окружавших его людей. Впрочем, ему об этом просто некогда было задумываться. Он все время был центром всяческих событий, и от него все постоянно чего-то ждали. Князь Василий со смерти графа Безухова не выпускал из рук Пьера и его дел. Он изображал собой обремененного делами, усталого, измученного человека, который из чистого сострадания не может оставить на произвол судьбы и плутов этого беспомощного юношу. Он устраивает карьеру Пьера, который мечтал совсем о другом, но теперь не смеет возражать. В своих хлопотах князь Василий по ходу дела обворовывает Пьера. В Петербурге Пьер не застаёт своей холостой компании. Гвардия ушла в поход, Долохов разжалован, Анатолий в армии, князь Андрей за границей, и потому Пьеру не удавалось хоть изредка отводить душу в беседе с ним. Все его время проходит на обедах, балах и преимущественно у князя Василия — в обществе его жены и красавицы Элен. Даже Анна Павловна Шерер, считавшая прежде неприличным все, что бы он ни сказал, изменила свое мнение и пригласила его в гости с припиской, что у нее будет прекрасная Элен. Пьер впервые почувствовал, что между ним и Элен образовалась как будто какая-то связь. Эта мысль испугала его, но и понравилась, как забавное происшествие. Анна Павловна всячески расхваливает Элен, говорит, что тот, кто женится на ней, будет счастлив. Пьер новыми глазами смотрит на прекрасную Элен, ее красота уже не кажется ему такой холодной, он чувствует, что она уже имеет власть над ним. Анна Павловна заводит речь о роскошном доме в Петербурге, который зачем-то, по настоянию архитектора, отделяется для Пьера. Ночью Пьеру не спится — он думает о том, что с ним случилось. Он понял, что женщина, которую он знал ребенком, может принадлежать ему. “Но ведь она глупа, — думает он. — Ведь это не любовь. Напротив, что-то гадкое есть в том чувстве, которое она

возбудила во мне, что-то запрещенное. Мне говорили, что ее брат Анатолий был влюблен в нее, и она влюблена в него, что была целая история и что от этого услали Анатолия. Брат ее — Ипполит. Отец ее — князь Василий. Это нехорошо”. В ноябре 1805 года князь Василий устраивает себе ревизионную поездку по четырем

губерниям, чтобы побывать заодно в своих расстроенных имениях и, взяв из полка сына Анатоля, заехать вместе с ним к князю Николаю Андреевичу Болконскому с тем, чтобы женить сына на дочери этого богатого старика. Но до отъезда надо было покончить с Пьером, который все еще не сделал предложения Элен. Пьер все так же жил у князя Василия и с ужасом чувствовал, что людское мнение прочно связало его с Элен и, как бы это ни было ужасно, ему придется связать с нею свою судьбу. Элен обращалась к Пьеру всегда с радостной, доверчивой, к нему одному относившейся улыбкой, в которой было что-то значительнее того, что было в общей улыбке. Пьер знал, что все ждут от него только одного слова, но не находил в себе решимости сказать его. Все случилось в день именин Элен. Пьер чувствовал, что он был центром всего, и это положение и радовало и стесняло его. То вдруг ему становилось стыдно и неловко. Гости разъезжаются. Князь Василий оставляет Пьера наедине с Элен. Остальные подглядывают за дверью. Ничего не происходит. И тут князь Василий берет дело в свои руки. Он идет в маленькую гостиную скорыми шагами, радостно подходит к Пьеру. Лицо его так необыкновенно-торжественно, что Пьер испуганно встает, увидев его. “Слава Богу! — сказал он. — Жена мне все сказала! — Он обнял одною рукой Пьера, другою — дочь. — Я очень, очень рад. — Голос его задрожал. — Я любил твоего отца... и она будет тебе хорошая жена... Бог да благословит вас!..” “Теперь уже поздно, все кончено; да и я люблю ее”, — подумал Пьер. Через полтора месяца он был обвенчан и поселился в заново отделанном доме графов

Безуховых.

Старый князь Николай Андреевич Болконский получает письмо от князя Василия — тот извещает, что приедет вместе с сыном Анатодем. Старый Болконский всегда был невысокого мнения о характере князя Василия, а теперь же, после намеков в письме и слов маленькой княгини, что едет жених, в душе старика родилось чувство недоброжелательного презрения. В день приезда Курагина Николай Андреевич пребывает особенно не в духе, сердится на всех и вся, доводит до последней степени робости жену князя Андрея и всегда испуганную княжну Марью. Уже расчищенную дорожку к подъезду он приказывает снова засыпать снегом, что и было сделано. Маленькая княгиня жила в Лысых Горах постоянно под чувством страха и антипатии к старому князю. Со стороны князя тоже была антипатия, но она заглушалась презрением. Княгиня полюбила мадемуазель Бурьен, которая спала с ней в одной комнате и слушала все ее суждения о князе. Князь Василий и Анатолий приезжают вечером. Им отводят отдельные комнаты. Анатолий смотрел на свою жизнь как на непрерывное увеселение, которое кто-то почему-то обязался устроить для него. Так же и теперь он смотрел на свою поездку к злому старику и к богатой уродливой наследнице. Княжна Марья сидит одна в своей комнате, стараясь взять себя в руки. Она со страхом думает о том, как выйдет в гостиную. Одна мысль о взгляде отца приводила ее в ужас. Маленькая княгиня и мадемуазель Бурьен уже все разузнали о приехавшем красавце, княгиня принаряжается, хотя при ее беременности это не придает ей привлекательности. Приукрашивается и хорошенькая мадемуазель Бурьен. Они начинают придумывать, как бы приодеть княжну Марью. Она же чувствует себя оскорбленной в чувстве собственного достоинства тем, что приезд обещанного ей жениха волнует ее, и еще более она оскорблена тем, что обе ее подруги этого просто

не в состоянии понять. Женщины наряжают Марью. Она была так дурна, что ни одной из них не могла прийти мысль о соперничестве с нею; поэтому они совершенно искренне, с тем наивным и твердым убеждением, что наряд может сделать лицо красивым, принялись за ее одевание. Они забывали, что испуганное лицо и фигуру нельзя было изменить, и потому, как они ни видоизменяли раму и украшение этого лица, само лицо оставалось жалко и некрасиво, Марья готова вот-вот разрыдаться. Она просит оставить ее в покое. Марья мечтает выйти замуж, иметь собственного ребенка, хочет любви. Прежде чем спуститься в гостиную, она идет в образную и молится. И слышит в своей душе голос: “Будущее людей и твоя судьба должна быть неизвестна тебе; но живи так, чтобы быть готовой ко всему. Если Богу угодно будет испытать тебя в обязанностях брака, будь готова исполнить его волю”. Марья входит в гостиную. Она ослеплена красотой Анатоля. В обращении с женщинами у Анатоля была та манера, которая более всего внушает в женщинах любопытство, страх и даже любовь, — манера презрительного сознания своего превосходства. Княжна почувствовала это и, как будто желая ему показать, что она и не смеет думать о том, чтобы занять его, обратилась к старому князю. Начинается общий разговор при участии мадемуазель Бурьен, увидев которую, Анатолий решил, что и здесь, в Лысых Горах, будет нескучно. Старый князь еще не появился. Он в который раз думал о том, решится ли когда-нибудь расстаться с княжной Марьей и выдать ее замуж. Его жизнь без нее была невыносима. Но кто женится на Марье по любви? Она дурна, неловка. Возьмут за связи, за богатство. “Что ж, я не прочь, — говорит сам себе князь, — но пусть он будет стоить ее. Вот это-то мы и посмотрим”. Выйдя к гостям, он бесцеремонно обращается к Марье с замечанием, чтобы не смела переодеваться без его спроса. И так дурна. Выясняется, что Анатолий просто приписан к полку — к которому, и сам не знает. Старый князь говорит князю Василию, что хотел бы лучше узнать его сына. Пусть он поживет здесь.

Княжне Марье Анатолий показался добрым, храбрым, решительным, мужественным и великодушным. Мадемуазель Бурьен давно ждала того русского князя, который сразу сумеет оценить ее превосходство над русскими, глупыми, дурно одетыми, неловкими княжнами, влюбится в нее и увезет ее; и вот этот русский князь наконец приехал.

На следующее утро Анатолий встречается в зимнем саду с мадемуазель Бурьен. Старый князь в это время разговаривает с Марьей о браке. Хочет ли она выйти замуж? “Помни одно: от твоего решения зависит счастье жизни твоей. Обо мне нечего говорить”. Она согласна... Она идет через зимний сад и видит Анатоля, обнимающего француженку и что-то шепчущего ей. Марья готова все сделать для устройства судьбы Бурьен. Марью зовут к князю. Там же находится князь Василий. Княжна Марья отказывает Анатолю. Она заявляет, что никогда не выйдет замуж, останется

с

отцом.

После долгого перерыва, лишь в середине зимы, граф Ростов получает письмо от Николая. Тот пишет, что произведен в офицеры, был ранен. Наташа, узнав об этом, спрашивает Соню, напишет ли она ему, ведь она его так любит. Наташа не понимает такой постоянной любви. Своего Бориса она уже почти забыла. Петя говорит, что

Наташа влюблена теперь в толстого графа Безухова. Письмо Николая прочитано десятки раз. И вот пишется ему ответ от всего дома. Собираются нужные вещи и деньги для обмундирования и обзаведения вновь произведенного офицера. 12 ноября боевая армия Кутузова, стоявшая лагерем около Ольмюца, готовилась к следующему дню на смотр двух императоров — русского и австрийского. Николай Ростов получил записку от Бориса, что его полк ночует неподалеку и он может передать ему письмо из дома и деньги. Деньги Николаю очень нужны — он совершил множество покупок. Он едет к Борису. Гвардия прошла весь поход как на гулянье. Переходы были малые, ранцы везли на подводах, офицерам на всех переходах австрийцы готовили прекрасные обеды. Борис все время похода шел и отдыхал с Бергом, теперь ротным командиром. Своей исполнительностью и аккуратностью Берг заслужил доверие начальства и устроил весьма выгодно свои экономические дела. Борис во время похода познакомился со многими людьми, которые могли быть ему полезны, и через рекомендательное письмо от Пьера познакомился с князем Андреем Болконским, через которого надеялся получить место в штабе главнокомандующего. Борис и Берг, оба чистенькие и подтянутые, играли в шахматы, когда к ним ворвался Николай Ростов. Он награжден Георгиевским крестом. Николай недоволен тем, что Берг не уходит, не давая ему поговорить наедине с приятелем. В письмо из дома вложено рекомендательное письмо к князю Багратиону, которое Николай небрежно отшвыривает. Для него служба в штабе — лакейское занятие. Николай начинает рассказывать, как его ранило. В середине рассказа входит князь Андрей Болконский, которого ждал Борис. Андрей был расположен к Борису и желал исполнить его просьбу. Он надеялся застать его одного. Лихой вид Ростова произвел на него неблагоприятное впечатление. Ростов это понял. “Вы, кажется, про Шенграбенское дело рассказывали? Вы были там?” — спрашивает князь Андрей. *Я был там”, — с озлоблением сказал Ростов, как будто бы этим желая оскорбить адъютанта. “Да, много теперь рассказов про это дело”, — замечает Болконский. В дальнейшем резком разговоре выясняется презрительное отношение Ростова к “штабным молодчикам”. Князь Андрей понимает, что Ростов вызывает его на дуэль, но для нее не вре́тля и не место. Он советует ему оставить это дело без последствий и удаляется. Николай Ростов уезжает в свой полк, думая по дороге, что, как ни странно, из всех людей, которых он знал, никого бы он столько не желал иметь своим другом, как этого ненавидимого им адъютанта. На следующий день шел смотр австрийских и русских войск, как пришедших из России, так и вернувшихся из похода с Кутузовым. Каждый генерал и солдат чувствовали свое ничтожество, сознавая себя песчинкой в этом море людей, и вместе чувствовали свое могущество, сознавая себя частью этого огромного целого. Послышался только один голос: “Смирно!” И все затихло. В мертвой тишине звучал только топот лошадей. То была свита императоров... Послышался один молодой, ласковый голос императора Александра... Первый полк гаркнул: “Урра!” — так оглушительно, продолжительно, радостно, что сами люди ужаснулись численности и силе той громады, которую они составляли. Ростов, стоя в первых рядах кутузовской армии, к которой к первой подъехал государь, испытывал чувство, какое испытывал каждый человек этой армии —

чувство самозабвения, гордого сознания могущества и страстного влечения к тому, кто был причиной этого торжества. Как бы счастлив был Ростов, ежели бы мог теперь умереть за своего царя! Среди царской свиты он заметил Болконского, лениво и распушенно сидящего на лошади. После смотра все желали только одного: под предводительством самого государя идти против неприятеля. Все были уверены в победе.

Борис Друбецкой, рекомендованный князю Андрею, на следующий день едет к нему. Ему хочется стать адъютантом при важном лице. Князя Андрея он не застал. Назавтра он снова отправился в Ольмюц. Князь Андрей выслушивал старого русского генерала в орденах. Он заметил Бориса и подошел к нему. Борису это очень лестно — получается, что уже одно то, что капитан князь Андрей находит для себя приятнее разговаривать с ним, Борисом, чем с бегаящим за ним боевым генералом, делает его важнее этого служаки. Князь Андрей доложил о генерале и, вернувшись, предложил устроить Бориса к Долгорукову. Во дворце шел военный совет. Несмотря на возражения Кутузова и князя Шванценберга, было решено немедленно наступать и дать генеральное сражение. О Борисе поговорить не удалось. На следующий день войска выступили в поход, и до самого Аустерлицкого сражения Борис остался в Измайловском полку.

Эскадрон Денисова, в котором служит Николай Ростов, оставлен в резерве. В девятом часу утра он услышал пальбу впереди, крики “ура”, видел привозимых назад раненых, которых было немного, и, наконец, видел, как в середине сотни казаков провели целый отряд французских кавалеристов. Проходившие назад солдаты и офицеры рассказывали о блестящей победе. Офицеры собрались кружком, выпивая и закусывая. Подвели пленного французского драгуна. Ростов купил у него лошадь, пообещав, что будет ее беречь, и дал ему денег. В этот момент появляется император Александр. Он поравнялся с Ростовым и остановился. Глаза государя встретились с глазами Ростова. Верноподданническому восторгу Николая нет предела. То, что было представлено блестящей победой, было всего лишь захватом французского эскадрона, но государь и вся армия верили, что французы побеждены и отступают против своей воли. Денисов праздновал свое производство в майоры, и Ростов, уже пьяный, предложил витиеватейший тост за государя и за верную победу над французами.

На следующий день прошел слух о нездоровье государя из-за сильного впечатления, произведенного на него видом раненых и убитых. Является французский парламентар Савари с предложением мира и свидания императора Александра с Наполеоном. В личном свидании с парламентаром было отказано, а для переговоров с Наполеоном отправляется вместе с Савари князь Долгоруков. Он возвращается к вечеру. Еще два дня войска идут вперед, французы отступают. До полудня 19-го числа движение, оживленные разговоры, беготня, посылки адъютантов ограничивались одной главной квартирой императоров: после полудня того же дня дже-

ние передалось в главную квартиру Кутузова и в штабы колонных начальников. Вечером через адъютантов это движение разнеслось по всем концам и частям армии, и в ночь с 19-го на 20-е армия поднялась с ночлега. Загудела говором и заколыхалась

и тронулась громадным девятиверстным холстом восьмидесятитысячная масса союзного войска. Сосредоточенное движение... было похоже на первое движение серединного колеса больших башенных часов, за которым пошли вертеться другое, третье, и все быстрее и быстрее пошли вертеться колеса, блоки, шестерни, начали играть куранты, выскакивать фигуры, и мерно стали подвигаться стрелки, показывая результат движения.

Долгоруков считает, что Наполеон боится более всего генерального сражения, а значит, ждать нельзя. У князя Андрея есть свой план флангового движения, но князь Долгоруков его не слушает, советует ему высказать его на военном совете у Кутузова. Возвращаясь домой, князь Андрей спрашивает молчаливо сидящего подле него Кутузова о том, что он думает о завтрашнем сражении. Тот отвечает, что сражение будет проиграно.

Военный совет на квартире Кутузова. Явились Вейройтер со своими планами, все начальники колонн. Багратион приехать отказался. Вейройтер был полным распорядителем предполагаемого сражения. Во время совета Кутузов спит, не слушая Вейройтера. Диспозиция была очень сложная и малопонятная. Некоторые указывают на возможность атаки со стороны Наполеона. Вейройтер убежден, что у него нет сил. Кутузов, проснувшись, говорит: “Господа, диспозиция на завтра, даже на нынче (потому что уже первый час), не может быть изменена. Вы ее слышали, и все мы исполним наш долг. А перед сражением нет ничего важнее... как выспаться хорошенько”.

Все удалились.

Князь Андрей размышляет: “Но неужели нельзя было Кутузову прямо высказать государю свои мысли? Неужели из-за придворных и личных соображений должно рисковать десятками тысяч и моей, моей жизнью?” “Да, очень может быть, завтра убьют”, — подумал он, и при мысли о смерти целый ряд воспоминаний возник в его воображении: последнее прощание с отцом и женою; начало своей любви к ней; ее беременность, и ему стало жалко и ее и себя... “Да, завтра, завтра! — думал он. — Завтра, может быть, все будет кончено для меня, все эти воспоминания не будут иметь для меня более никакого смысла”. И вот ему представляется сражение, поражение, сосредоточение боя на одном месте и замешательство всех начальников. Вот та счастливая минута, тот Тулон, которого он так долго ждал. Он твердо и ясно говорит свое мнение и Кутузову, и Вейройтеру, и императорам. Все поражены верностью его плана, но никто не берется исполнить его, тогда он сам берет полк, дивизию, требует, чтобы уже никто не вмешивался в его распоряжения, ведет свою дивизию к решительному пункту и один одерживает победу. Он носит звание дежурного по армии при Кутузове, но делает все он один. Ну, а потом? “Я не знаю, что будет потом, не хочу и не могу знать; но ежели хочу этого, хочу славы, хочу быть известным людям, хочу быть любимым ими, то ведь я не виноват, что я хочу этого, что одного этого я хочу, для одного этого я живу. Да, для одного этого! Я никогда никому не скажу этого... Смерть, раны, потеря семьи, ничто мне не страшно. И как ни дороги, ни милы мне многие люди — отец, сестра, жена, — самые дорогие мне люди, я всех их отдам сейчас за минуту славы, торжества над людьми, за любовь к себе людей, которых я не знаю и не буду знать...”

Ростов, борясь с дремой, объезжает передовую цепь, и вдруг его выводят из полузабытья протяжные крики тысяч людей, доносившиеся оттуда, где был

неприятель. По всей линии войск французов зажглись огни. Огни все больше и больше распространялись. “Виват, император, император!” — уже ясно слышалось теперь Ростову. На странное явление огней и криков выезжают посмотреть князь Багратион с князем Долгоруковым. Ростов просит Багратиона прикомандировать его в первом эскадрону. Тот оставляет его при себе ординарцем. Крики и огни в неприятельской армии происходили оттого, что в то время, как по войскам читали приказ Наполеона, сам император верхом объезжал свои бивуаки. С самого утра начинается путаница — во время движения австрийской кавалерии, шедшей на левом фланге, высшее начальство нашло, что наш центр слишком отдален от правого фланга, и всей кавалерии велено было перейти на правую сторону. Несколько тысяч кавалерии продвигались перед пехотой, и пехота должна была ждать. Это не прибавляло боевого духа. Впереди австрийский колонновожатый сцепился с русским генералом. Войска между тем стояли, скучая и падая духом. Не рассчитывая встретить внизу над речкою неприятеля и в густом тумане нечаянно наткнувшись на него, не видя ничего впереди и кругом себя, русские лениво и медленно перестреливались с неприятелем, не получая вовремя приказаний от начальников и адъютантов, которые блуждали по туману в незнакомой местности, не находя своих частей. Так началось дело для первой, второй и третьей колонны, которые спустились вниз. Четвертая колонна, при которой находился сам Кутузов, стояла на Праценских высотах.

У деревни Шлапанице, на высоте, на которой стоял Наполеон, окруженный своими маршалами, было совершенно светло. Ему было все видно как на ладони. Нынче для него был торжественный день — годовщина его коронации. Когда солнце вышло из тумана, Наполеон сделал знак маршалам и отдал приказание начинать дело. Главные силы французов двинулись к тем Праценским высотам, с которых русские войска спускались налево в лощину.

Кутузов в это утро был изнуренным и раздражительным. Он недоволен планом, недоволен его выполнением. Заметив князя Андрея, он дает ему поручение. То, что предстало взору князя Андрея, являло полную путаницу. Всем казалось, что неприятель еще далеко. В это время появляются верхами два императора со свитой. Им не терпится начать. Кутузов резко отвечает Александру. Потом приказывает наступать.

Кутузов, отъехав подальше, останавливается у одинокого заброшенного дома, разговаривает с австрийским генералом. Адъютант, глядя в подзорную трубу, кричит: “Это французы!” Все в ужасе — предполагалось, что неприятель находится за две версты. Все бросились бежать мимо Кутузова. Болконский старался не отставать от Кутузова и в недоумении оглядывался. Несвицкий кричал Кутузову, что ежели он не уйдет сейчас, то будет взят в плен. Кутузов стоял на том же месте и, не отвечая, доставал платок. Из щеки его текла кровь. “Вы ранены?” — спросил князь Андрей. “Рана не здесь, а вот где! — сказал Кутузов, прижимая платок к раненой щеке и указывая на бегущих. — Остановите их!” Но это было невозможно. Внѣ на-

бежавшая толпа увлекла их с собою. Французы атаковали батарею и, увидав Кутузова, выстрелили по нему. Подпрапорщик, стоявший со знаменем, выпустил его из рук. Кутузов указал на него Болконскому. Князь Андрей соскочил с лошади,

схватил древко знамени, закричал “ура!” и, едва удерживая в руках тяжелое знамя, побежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон устремится за ним. Так и случилось. Болконский уже недалеко от батареи. Но тут как бы со всего размаха крепкою палкой кто-то из ближайших солдат, как ему показалось, ударил его по голове. Он упал на спину. Над ним не было ничего уже, кроме неба — высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нему серыми облаками. “Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме него. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!--”

На правом фланге у Багратиона в девять часов дело еще не начиналось. Не желая принять требование Долгорукова о начале и стремясь избежать ответственности, князь Багратион предложил Долгорукову послать справиться у главнокомандующего. Багратион знал, что в самом лучшем случае посланный вернется не раньше вечера. Он посылает Ростова. В это утро Николай чувствует себя смелым, бодрым, решительным. Увидев бой, остановился посмотреть. Несколько всадников скакали в его направлении. Ростов двинулся дальше. Наперерез ему показалась масса кавалеристов в белых блестящих мундирах. Они могли смять его. Но все обошлось. У одной из линий пехоты его окликнули. Это был Борис. На его вопрос, куда Ростов направляется, тот ответил, что к его величеству с поручением, Борису же послышалось “к Его Высочеству”. “Да ведь это великий князь, а мне к главнокомандующему или к государю”, — сказал Ростов. К ним подбежал оживленный Берг и похвастался легкой раной в кисть руки. Ростов поехал дальше. Вдруг впереди себя и позади наших войск, там, где не могло быть неприятеля, он услышал близкую ружейную стрельбу. Неприятель в тылу наших войск? Наперерез ему бежали толпами русские и австрийские солдаты. Оказалось позже, что русские и австрийцы стреляли друг в друга.

Ростов ищет Кутузова и государя у деревни Праца, но видит лишь разнородные толпы расстроенных войск. Дорога запружена, ее обстреливают французские батареи. Кто-то говорит Ростову, что государь ранен, а Кутузов убит. В общем, никто ничего не знает. Ростов продолжает ехать в том направлении, которое ему было указано. Ему говорят, что там убьют. Налицо были все признаки проигранного сражения. Неожиданно Ростов наталкивается на государя. Он бледен, глаза ввалились. Ростов решил не просить у него никаких распоряжений — все равно, слишком поздно — и проехал мимо. Ростов был в отчаянии.

В пятом часу вечера сражение было проиграно на всех пунктах. Андрей Болконский лежал с древком знамени в руке, истекая кровью, и, сам не зная того, стонал тихим, жалостным и детским стоном. К вечеру он очнулся, стал прислушиваться и услышал звуки приближающегося топота лошадей и разговор по-французски. Он раскрыл глаза. Над ним стоял Наполеон с двумя адъютантами. “Вот прекрасная смерть”, — сказал Наполеон, глядя на Андрея. Андрей “знал, что это был Наполеон — его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом с бегущими по нему облаками. Ему было совершенно все равно в эту минуту, кто бы ни стоял над ним, что бы ни говорил о нем; он рад был только

тому, что остановились над ним люди, и желал только, чтоб эти люди помогли ему и возвратили бы его к жизни, которая казалась ему столь прекрасною, потому что он так иначе понимал ее теперь”. Наполеон замечает, что князь Андрей жив и приказывает позаботиться о нем. Он очнулся в госпитале среди русских раненых и плененных офицеров. Приезжает Наполеон, хвалит русских за храбрость, те бодро ему отвечают. Андрей молчит: “ему так ничтожны казались в эту минуту все интересы, занимавшие Наполеона, так мелочен казался ему сам герой его, с этим мелким тщеславием и радостью победы, в сравнении с тем высоким, справедливым и добрым небом, которое он видел и понял... Глядя в глаза Наполеону, Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих”. Андрею возвращают снятый было золотой образок, повешенный ему на шею Марьей. Князь Андрей замечает его поверх мундира и думает, как бы он был счастлив, если б мог сказать теперь: “Господи, помилуй меня!” Начинается бред. Ему представляется тихая жизнь и спокойное семейное счастье в Лысых Горах. Но вдруг появляется маленький Наполеон, принося сомнения, муки, и только небо обещает успокоение. Князь Андрей, в числе других безнадежных раненых, был сдан на попечение жителей.

ТОМ
ЧАСТЬ

ВТОРОЙ
I

В начале 1806 года Николай едет в отпуск. Денисова, который тоже собирался домой в Воронеж, он уговорил ехать с собой до Москвы и остановиться у них в доме. Приезд Николая вызвал настоящее ликование. Со всех сторон он видел блестящие слезами радости, любящие глаза, со всех сторон были губы, искавшие поцелуя. Соня смотрела на Николая, не спуская глаз, улыбаясь и задерживая дыхание. Денисов, забытый, сам представился графу. Все окружили его. Наташа подскочила к нему, обняла и поцеловала. Денисова отвели в приготовленную для него комнату, а Ростовы все собрались в диванную около Николушки. Старая графиня, сидевшая с ним рядом, не выпускала его руки и всякую минуту целовала. Все ловили каждое его движение, слово, взгляд, не спускали с него восторженно-влюбленных глаз. На следующее утро проснулись поздно. За дверью было слышно движение и перешептывание — эти были Наташа, Соня и Петя, который с восторгом схватил саблю. Ростов вышел из спальни, и Наташа завела с ним разговор. Она ужасно любит Соню и в знак дружбы даже обожгла себе руку. Наташа говорит о том, что Соня, если кого полюбит, то навсегда, а она сама не такая. Соня сказала перед отъездом Николая: я буду любить его всегда, а он пускай будет свободен. Выясняется, что Николай не собирается отказываться от Сони и ее любви. Ростов заметил вчера, что Соня стала очень красива. “Отчего же ему было не любить ее и не жениться даже, думал Ростов, но не теперь. Теперь столько еще других радостей и занятий!” На вопрос Николая о самой Наташе, та говорит, что вообще никогда не

выйдет замуж и все это пустяки. Николай благодарен Соне за то, что она, любя его, предоставляет ему свободу, не связывает словом. Старая графиня, боявшаяся любви сына к Соне, которая могла лишить его блестящей партии, услышав, что Николай и Соня перешли на “вы”, покраснела, как девочка.

Николай Ростов в родной Москве ведет истинно гусарский образ жизни, завел себе даже знакомую даму, к которой ездит вечером. Денег у него предостаточно — старый граф перезаложил все имения. С Соней он не сблизился, а, напротив, разошелся. Она была очень хороша, мила и, очевидно, страстно влюблена в него; но он был в той поре молодости, когда кажется так много дела, что некогда этим заниматься, и молодой человек боится связываться — дорожит своей свободой. Казалось, что ему еще встретится много таких, как Соня, он еще успеет полюбить, а теперь ему некогда.

Граф Ростов занят устройством обеда в Английском клубе для приема князя Багратиона. Граф со дня основания клуба был его членом и старшиною. Устройство торжества ему поручено потому, что редко кто умел так на широкую руку, хлебосольно устроить пир, особенно потому, что редко кто умел и хотел потратить свои деньги на устройство пира. Повар и эконоом весело прислуживают графу, зная, что сумеют очень хорошо поживиться. Случайно зашедшего в клуб Николая граф отправляет к Безухову за земляникой и ананасами, а оттуда пусть поедет к цыганам. В это время появляется Анна Михайловна. Она предлагает съездить к Безухову. Он переслал ей письмо от Бориса, который служит теперь при штабе. Анна Михайловна рассказывает о несчастливой семейной жизни Пьера Безухова, о том, что ходят слухи, будто за Элен волочится Долохов, которого он сам же и привел в свой дом. Ростов просит передать Пьеру приглашение на празднество.

До трехсот человек ждут к обеду дорогого гостя и героя австрийского похода, князя Багратиона. Получив известие об Аустерлицком сражении, Москва сначала пришла в недоумение. Москвичи чувствовали, что что-то нехорошо, и потому лучше молчать. Но через некоторое время были найдены причины поражения русских и во всех углах Москвы заговорили одно и то же. Причины эти были: измена австрийцев, дурное продовольствие войска, измена поляка Пржибышевского и француза Ланжерона, неспособность Кутузова и (потихоньку говорили) молодость и неопытность государя, вверившегося дурным и ничтожным людям. Но войска, русские войска, говорили все, были необыкновенны и делали чудеса храбрости. А героем из героев был князь Багратион, прославившийся своим Шенгра-бенским делом и отступлением от Аустерлица, где он один провел свою колонну нерасстроенною и целый день отбивал вдвое сильнейшего неприятеля. Тому, что Багратион был выбран героем в Москве, содействовало и то, что он не имел связей в Москве и был чужой. То есть в лице его отдавалась честь боевому, простому, без связей и интриг, русскому солдату, еще связанному воспоминаниями Итальянского похода с именем Суворова. Кроме того, в воздаянии ему таких почестей лучше всего показывалось нерасположение и неодобрение Кутузова. Про Кутузова никто не говорил, и некоторые шепотом бранили его, называя придворного вертушкой и старым сатиром. Говорили про Берга, который, раненный в правую руку, взял шпагу в левую и пошел вперед. Про Болконского ничего не говорили, и только близко знавшие его жалели, что он рано умер, оставив беременную жену и чудака отца. “Перед самым обедом в Английском клубе граф Илья Андреич представил князю своего сына. Багратион, узнав его, сказал несколько нескладных слов, как и все слова, которые он говорил в этот день”.

Ростов старший гордился своим сыном. Николай Ростов с Денисовым и Долоховым

сели в середине стола и оказались напротив Пьера. Обед получился великолепным. Пьер много и жадно ел и пил, как всегда. Но те, которые его знали коротко, видели в нем большую перемену. Лицо его было уныло и мрачно. Он получил анонимку, в которой указывалось на связь его жены с Долоховым. Вернувшись с военной кампании, Долохов был восстановлен в чине и поселился у Пьера. Элен вначале выражала недовольство по этому поводу. Пьер знал, что Долохов бретер, ему ничего не стоит убить, оскорбить любого. Ростов младший недоброжелательно смотрел на Пьера, потому что тот был штатским (бабой) и в рассеянности не ответил на приветствие Николая, не узнав его. Пьер, оскорбленный Долоховым, раскричался за столом. Тут же определились секунданты: Ростов — Долохова, Несвицкий — Пьера. На другой день в восемь утра состоялась дуэль в Сокольницком лесу. Пьера терзали сомнения в собственной правоте. Временами ему хотелось бежать. Но когда секундант предложил примирение, Пьер отказался. Он лишь спросил секунданта: куда идти и как стрелять. Долохов тоже не хотел мириться. По счету: раз, два, три — противники стали сходитьсь. “При слове три Пьер быстрыми шагами пошел вперед, сбиваясь с протоптанной дорожки и шагая по цельному снегу. Пьер держал пистолет, вытянув вперед правую руку, видимо, боясь, как бы из этого пистолета не убить самого себя. Левую руку он старательно отставлял назад, потому что ему хотелось поддержать ею правую руку, а он знал, что этого нельзя было. Подойдя шагов шесть и сбившись с дорожки в снег, Пьер оглянулся под ноги, опять быстро взглянул на Долохова и, потянув пальцем, как его учили, выстрелил”. Он вздрогнул от звука выстрела. Дым и туман мешали ему видеть противника. Потом он увидел Долохова — тот одной рукой держался за левый бок, другой сжимал опущенный пистолет, потом упал на снег. Пьер побежал к Долохову, но тот резко крикнул: “К барьеру!” Пьер остановился у своей сабли. Их разделяло десять шагов. Долохов, лежа в снегу, приподнял пистолет. Денисов крикнул Пьеру стать боком и прикрыться пистолетом, но тот с кроткой улыбкой сожаления и раскаяния, беспомощно расставив ноги и руки, прямо своей широкой грудью стоял перед Долоховым и грустно смотрел на него. Секунданты зажмурились. Но Долохов промахнулся. Пьер, шатаясь, пошел в лес, приговаривая непонятные слова: “Глупо... глупо! Смерть-ложь...” Несвицкий остановил его и повез домой. Ростов и Денисов везли раненого Долохова. Вдруг он очнулся и взял за руку Ростова: он глубоко переживал за свою мать: “Я убил ее, убил... Она не перенесет этого”. Долохов заплакал, сжимая руку Ростова. “Ростов поехал вперед, исполнять поручение и, к великому удивлению своему, узнал, что Долохов, этот буян, бретер-Долохов, жил в Москве со старушкою матерью и горбатой сестрой и был самый нежный сын и брат”. Пьер в последнее время редко виделся с женой с глазу на глаз. Их дома в Петербурге и Москве были полны гостями. Как ни мучительны были переживания прошедшей ночи, эта, после дуэли, оказалась еще мучительнее. “Такая буря чувств, мыслей, воспоминаний вдруг поднялась в его душе, что он не только не мог спать, но не мог сидеть на месте и должен

был вскочить с дивана и быстрыми шагами ходить по комнате”. Пьер был в ужасе оттого, что “убил любовника своей жены”. Он спрашивал себя, как дошел до такой жизни, и тут же отвечал, что женился не любя, обманул и себя и ее. “Я знал, что она

развратная женщина... но не смел признаться в этом". С каким презрением она сказала ему, что не дура, чтобы желать иметь детей, и что от Пьера детей у нее не будет. "Она во всем, во всем она одна виновата, — говорил он сам себе. — Но что ж из этого? Зачем я себя связал с нею, зачем я ей сказал это: "Ze uoiz a1te", которое было ложь, и еще хуже, чем ложь". Ночью он позвал камердинера и велел укладываться, чтобы ехать в Петербург. Пьер не мог оставаться под одной крышей с Элен. Он решил написать ей письмо, в котором объявит свое намерение разлучиться с нею навсегда. Но утром Элен спокойно и величественно вошла в его кабинет, только на мраморном лбу ее была морщинка гнева. Она знала о дуэли и пришла поговорить о ней. Пьер робко смотрит на жену. Элен отчитывает Пьера за то, что он верит сплетням о ней и Долохове. Своей дуэлью Пьер доказал, что он дурак, что ей было известно и раньше. Теперь она сделалась посмешищем всей Москвы. Элен говорит Пьеру, что редкая женщина на ее месте не взяла бы себе любовника при таком муже, но она этого не сделала. Пьер просит Элен замолчать. Та не унимается. "Нам лучше расстаться", — говорит Пьер. Элен не против, но пусть он прежде обеспечит ей состояние. "'Расстаться, вот чем испугали!" Пьер вскочил с дивана и, шатаясь, бросился к ней. "Я тебя убью!" — закричал он", замахиваясь на нее тяжелой мраморной доской. Элен взвизгнула и отскочила от него. "Пьер почувствовал увлечение и прелесть бешенства. Он бросил доску, разбил ее и, с раскрытыми руками подступая к Элен, закричал: "Вон!" — таким страшным голосом, что во всем доме с ужасом услышали этот крик". "Через неделю Пьер выдал жене доверенность на управление всеми великорусскими имениями, что составляло большую половину его состояния, и один уехал в Петербург".

Прошло два месяца после получения известий в Лысых Горах об Аус-терлицком сражении и гибели князя Андрея. Но тело его не было найдено, и его не было в числе пленных. "Хуже всего для его родных было то, что оставалась все-таки надежда на то, что он был поднят жителями на поле сражения и, может быть, лежал выздоравливающий или умирающий где-нибудь один, среди чужих, и не в силах дать о себе вести". Вскоре после Аустерлица Кутузов написал письмо старому князю Болконскому: "Ваш сын, в моих глазах... с знаменем в руках, впереди полка пал героем, достойным своего отца и своего отечества. К общему сожалению моему и всей армии, до сих пор неизвестно, — жив ли он или нет. Себя и вас надеждой льщу, что сын ваш жив..." Старый князь, получив это известие поздно вечером, никому ничего не сказал и, как обычно, на другой день пошел на свою утреннюю прогулку, молчаливей, чем всегда. Когда княжна Марья в обычное время вошла к нему, он не оглянулся на нее. "А! Княжна Марья!" — вдруг сказал он неестественно... Княжна Марья подвинулась к нему, увидела его лицо, и что-то вдруг опустилось в ней... Она по лику отца, не грустному, не убитому, но злому и неестественно над собой работающему лицу, увидела, что вот, вот над ней повисло и задавит ее страшное несчастье, худшее в жизни несчастье, еще не испытанное ею, несчастье непоправимое, непостижимое, смерть того, кого любишь. "Батюшка, — Андрей?"... "В числе пленных нет, в числе убитых нет. Кутузов пишет, — крикнул он пронзительно, как будто желая прогнать княжну этим криком, — убит!"... "Батюшка, — сказала она, — не отвертывайтесь от меня, будемте плакать вместе"... "Поди,

поди, скажи Лизе”, — говорит князь. Но Марья решила ничего не говорить Лизе до родов. Старый князь не хотел надеяться: он считал, что князь Андрей убит, и, несмотря на то, что он послал чиновника в Австрию разыскивать след сына, он заказал ему в Москве памятник, который намерен был поставить в своем саду, и все говорил, что сын его убит. Княжна Марья надеялась, молилась за него, как за живого, и каждую минуту ждала известия о его возвращении.

19 марта у княгини Болконской начались роды. Она плакала от боли и страха. Княжна Марья волновалась за нее. В доме Болконских царил особая атмосфера ожидания. Наступила выюжная ночь. Навстречу доктору из Москвы были высланы верховые с фонарями. Княжна Марья сидела молча, устремив лучистые глаза на сморщенное, до малейших подробностей знакомое лицо няни. Вдруг порыв ветра налег на одну из выставленных рам комнаты, что было сделано по настоянию князя, и, отбив плохо задвинутую задвижку, затрепал штофной гардиной и, пахнув холодом, снегом, задул свечу. Княжна Марья вздрогнула. Няня подошла к окну и, высунувшись, стала ловить откинутую раму. “Княжна, матушка, едут по прешпекту кто-то! — сказала она... — С фонарями; должно, дохтур"... Княжна Марья накинула шаль и побежала навстречу ехавшим... Какой-то знакомый, как показалось княжне Марье, голос, говорил что-то... "Это Андрей! — подумала княжна Марья. — Нет, это не может быть, это было бы слишком необыкновенно", — подумала она, и в ту же минуту, как она думала это, на площадке... показались лицо и фигура князя Андрея в шубе с воротником, обсыпанным снегом. Да, это был он, но бледный и худой и с измененным, странно смягченным, но тревожным выражением лица. Он вошел на лестницу и обнял сестру”.

Князь Андрей идет к страдающей родами жене. Он ничем не может ей помочь. Сидя в соседней комнате, он слышит стоны жены, жалкие, беспомощно-животные стоны, он порывается войти, его не пускают. “Вдруг страшный крик — не ее крик, она не могла так кричать — раздался в соседней комнате. Князь Андрей подбежал к ее двери; крик замолк, но послышался другой крик, крик ребенка. "Зачем принесли туда ребенка? — подумал в первую секунду князь Андрей. — Ребенок? Какой?.. Зачем там ребенок? Или это родился ребенок?" Когда он вдруг понял все радостное значение этого крика, слезы задушили его, и он... заплакал, как плачут дети. Он вошел в комнату жены. Она мертвая лежала в том же положении, в котором он видел ее пять минут тому назад, и то же выражение, несмотря на остановившиеся глаза и на бледность щек, было на этом прелестном детском личике, с губкой, покрытой черными волосиками. "Я вас всех любила и никому дурного не делала, и что вы со мною сделали?" — говорило ее прелестное, жалкое, мертвое лицо. Через два часа... Андрей тихо вошел к отцу. Старик все уже знал. Он стоял у самой двери, и, как только она отворилась, старик молча старческими, жесткими руками, как тисками, обхватил шею сына и зарыдал, как ребенок”.

Прощаясь с женой в церкви, “князь Андрей почувствовал... что он виноват в вине, которую ему не поправить и не забыть. Он не мог плакать”. Через пять дней крестили молодого князя Николая Андреевича. Крестными были старик Болконский и княжна Марья.

Участие Ростова в дуэли Долохова с Безуховым было замято стараниями старого

графа, и Ростов, вместо разжалования, которого опасался, был определен адъютантом к московскому генерал-губернатору. Из-за этого ему пришлось пробыть все лето в Москве. Долохов выздоровел, и Николай сдружился с ним. Осенью семейство Ростовых вернулось в Москву. В начале зимы к ним приехал Денисов. Благодаря армейским знакомствам Николая в доме Ростовых появляется множество молодых людей, устанавливается какая-то особенная атмосфера любовности, как это бывает в доме, где очень милые и очень молодые девушки. Часто приезжал Долохов, всем очень понравившийся, кроме Наташи. Она осуждала Долохова за дуэль с Пьером, считала Пьера правым, а Долохова — злым. Денисов нравился ей больше, несмотря на то, что кутила. Но Николай с ней не соглашался. Наташа первая заметила, что Долохов влюблен в Соню. “Видно было, что этот сильный, странный мужчина находился под неотразимым влиянием, производимым на него этой черненькой, грациозной, любящей другого девочкой”. Опять пошли разговоры о войне с Наполеоном, “с еще большим жаром, чем в прошлом году”. Ростовы беспокоились, потому что Николай ни за что не соглашался оставаться в Москве, а ждал только конца отпуска Денисова, чтобы с ним вместе ехать в полк. На третий день Рождества в доме Ростовых был дан официальный прощальный обед, потому что после крещенья Николай уезжал с Денисовым. Обедало человек двадцать, в том числе Долохов и Денисов. В доме чувствовалось странное замешательство, особенно взволнованы были Соня, Долохов, старая графиня и немного Наташа. Оказалось — Долохов сделал предложение Соне. А она сказала, что любит другого. “Я знаю, ты на ней не женишься”, — говорит Николаю Наташа. Николай доволен отказом Сони, ему лестно, но и только. Он ничего ей не обещает, разрушая тем самым ее судьбу. В это же время состоялся бал в доме Безухова. Барышни Ростовы были из лучших. Обе были особенно счастливы и веселы. Наташа на балу впервые, на ней длинное платье с розовыми лентами. Войдя в зал, она влюбилась во все и во всех. Денисов говорит о Наташе, что она станет красавицей. И прекрасно танцует. По настоянию распорядителя бала Николай танцует мазурку с Соней. Наташа приглашает Денисова. Он до самого конца бала не отходит от Наташи. Через два дня Ростов получает записку от Долохова: “Так как я в доме у вас бывать более не намерен по известным тебе причинам и еду в армию, то нынче вечером я даю моим приятелям прощальную пирушку — приезжай в Английскую гостиницу”. Ростов едет и застаёт Долохова за игрой в карты. Долохов мечет банк и предлагает Ростову сыграть. Николай колеблется, Долохов его подзуживает. Ростов отговаривается отсутствием денег, но Долохов говорит, что поверит в долг. Ростов проигрывает около восьмисот рублей. В прошлое воскресенье отец выдал Николаю две тысячи рублей с условием, что этого должно хватить до мая и надо быть поэкономнее. И вот, он проиграл еще — больше, чем может заплатить. Долохов решил продолжать игру до тех пор, пока проигрыш Ростова не возрастет до сорока трех тысяч — сорок три составляло сумму сложенных его годов с годами Сони. Долохов доводит сумму проигрыша до сорока трех тысяч и прекращает игру, сказав, что пора ужинать. Когда можно получить деньги? Ростов отвечает: “Завтра”. Дома музицируют. Все веселы. “Куда мне деваться?” — думает Николай. Для него единственный путь — пуля в лоб. И вот запекает Наташа. В эту зиму она в первый

раз начала серьезно петь, в особенности оттого, что ее пением восторгался Денисов. Но она пела еще не хорошо, как говорили все знатоки-судьи, которые ее слушали. Но говорили они это уже после того, как замолкал ее голос. “Что же это такое? — подумал Николай, услышав ее голос и широко раскрывая глаза. — Что с ней случилось? Как она поет нынче?” — подумал он. Какие тут проигрыши, и Долоховы, и честное слово!.. Все вздор! Можно зарезать, украсть и все-таки быть счастливым... Но как только Наташа кончила свою баркарол-лу, действительность опять вспомнилась ему. Ничего не сказав, Николай пошел в свою комнату. Предстоял разговор с отцом. Когда Николай небрежным, казавшимся ему даже гадким, тоном сказал отцу, что проиграл сорок три тысячи, тот покраснел шеей и затылком, как краснеют старые люди. “Да, да, — проговорил он, — трудно, я боюсь, трудно достать... с кем не бывало! да, с кем не бывало...” — И граф мельком взглянул в лицо сыну и пошел вон из комнаты... “Папенька! па...пенька! — закричал он ему вслед, рыдая, — простите меня!” — И, схватив руку отца, он прижался к ней губами и заплакал”.

В то время как отец объяснялся с сыном, у матери с дочерью происходило не менее важное объяснение. Денисов сделал предложение Наташе. Графиня пожала плечами: “Ежели правда, что мосье Денисов сделал тебе предложение, хотя это смешно, то скажи ему, что он дурак, вот и все”. Денисову она сказала следующее: “Василий Дмитрич, я благодарю вас за честь... но моя дочь так молода, и я думала, что вы, как друг моего сына, обратитесь прежде ко мне. В таком случае вы не поставили бы меня в необходимость отказа”.

На другой день Ростов проводил Денисова, который не хотел более ни одного дня оставаться в Москве. Сам он, дожидаясь денег, провел еще две недели в Москве, не выезжая из дома. Отослав все деньги Долохову и получив расписку, в конце ноября Николай уехал догонять полк, который уже был в Польше.

ЧАСТЬ

II

Расставшись с женой, Пьер отправился в Петербург. Сидя на почтовой станции, он размышляет о себе, о людях, о богатстве и бедности, что надо любить, что ненавидеть, что такое жизнь, что такое смерть. “Умрешь — все кончится, — думает Пьер. — Умрешь — и все узнаешь — или перестанешь спрашивать”. Но и умереть было страшно. “Знать мы можем только то, что ничего не знаем. И это высшая степень человеческой премудрости”. Все в нем самом и вокруг него представлялось Пьеру запутанным, бессмысленным и отвратительным. Но в этом самом отвращении он находил своего рода раздражающее наслаждение.

Там же, на почтовой станции, Пьер знакомится с любопытным субъектом. Строгое, умное и проницательное выражение его глаз поразило Пьера. Ему захотелось с ним поговорить. “Но, когда он собрался обратиться к нему с вопросом о дороге, проезжающий уже закрыл глаза и, сложив сморщенные старые руки, на пальце одной из которых был большой чугунный перстень с изображением адамовой головы, неподвижно сидел, или отдыхая, или о чем-то глубокомысленно и спокойно размышляя, как показалось Пьеру”.

Случайный спутник узнает его, говорит, что слышал о постигшем его несчастье. И он хочет помочь ему. Пьер, взглянув еще раз на массивный перстень, спрашивает

его, не масон ли он. “Да, я принадлежу к братству свободных каменщиков. И от себя и от их имени протягиваю вам братскую руку”. Пьер говорит, что его образ мыслей далек от образа мыслей масонов. В ответ масон говорит, что образ мысли Пьера есть образ мыслей большинства людей, однообразный плод гордости, лени и невежества. “Ваш образ мыслей есть печальное заблуждение”, — говорит старик Пьеру. Тот сознается, что не верит в Бога. “Вы не знаете его, оттого вы и несчастны, — отвечает старик. — А он здесь, в моих словах, он в тебе и даже в тех кощунственных речах, которые ты произнес сейчас... Ежели бы его не было, мы бы с вами не говорили о нем, государь мой. О чем, о ком мы говорили? Кого ты отрицал? Кто его выдумал, ежели его нет? Почему явилось в тебе предположение, что есть такое непонятное существо? Почему ты и весь мир предположили существование такого непостижимого существа, существа всемогущего, вечного и бесконечного во всех своих свойствах?” Пьер слушал этого чужого человека, не перебивая, и всей душой верил тому, о чем он говорил ему. Масон внушает ему, что высшая мудрость имеет одну науку — науку всего, науку, объясняющую все мироздание и занимаемое в нем место человека. Для того чтобы вместить в себя эту науку, необходимо очистить и обновить своего внутреннего человека, и потому, прежде чем знать, надо верить и совершенствоваться. И для достижения этих целей в душе нашей вложен свет Божий, называемый совестью”. “Я ненавижу свою жизнь”, — говорит Пьер. “Так измени ее, очисти себя, и по мере очищения ты будешь познавать мудрость”. Перед отъездом масон дает Пьеру рекомендательное письмо к графу Вилларскому. Как Пьер узнал из книги смотрителя, уехавший был Осип Алексеевич Баздеев, один из известнейших масонов и мартинистов. Пьер твердо решил присоединиться к масонам.

Приехав в Петербург, Пьер никого не известил об этом, никуда не выезжал и целые дни проводил за чтением Фомы Кемпийского (средневекового мистика, августинского монаха), проповедовавшего аскетизм и смирение. Через неделю к нему пришел польский граф Вилларский и сообщил, что благодаря ходатайству высокопоставленного лица его могут принять в братство раньше положенного срока. Но прежде Вилларский спрашивает, отрекся ли от прежней жизни Пьер и верит ли он в Бога. Пьер отвечает, что верит. Тогда Вилларский везет Пьера с собой. По дороге Пьер спрашивает, что ему понадобится делать, и сопровождающий отвечает, что говорить только правду. Подъехав к большому дому, они вошли и разделись. Затем Вилларский завязал платком глаза Пьеру. Его посвящают в масоны со всеми подобающими в этом случае таинствами. Он дает клятву, что вступает в масонское общество дабы противоборствовать злу, царствующему в мире. Ему перечисляют семь добродетелей, соответствующих семи ступеням храма Соломона, которые должен воспитывать в себе каждый масон. “Я готов на все”, — сказал Пьер. Когда он приходит в себя, то обнаруживает в помещении, куда его привели, некоторых своих знакомых по петербургскому обществу.

На следующий день к Пьеру неожиданно приезжает князь Василий. Он пытается уговорить его помириться с женой. Пьер прогоняет его. Через неделю, простившись с новыми друзьями масонами и оставив им большие суммы на милостыни, он уезжает в свои имения. Его новые братья дали ему письма в Киев и Одессу, к тамошним масонам, и обещали писать ему и руководить им в его новой

деятельности.

Дело Пьера с Долоховым было замято, ни противники, ни их секунданты не пострадали. Но история дуэли, подтвержденная разрывом Пьера со своей женой, разгласилась в обществе. Во всем происшедшем обвиняли Пьера, говоря о нем, что он бестолковый ревнивец, подверженный таким же припадкам кровожадного бешенства, как и его отец. Элен же была радушно принята повсюду. Она играла роль несправедливо брошенной жены. Элен по-прежнему блистает в салоне Анны Павловны Шерер, встречает там Бориса Друбецкого, только что приехавшего курьером из прусской армии, где он был адъютантом при одном очень важном лице. Борис “в щегольском адъютантском мундире, возмужавший, свежий и румяный”, не мог не привлечь внимания Элен. Сам Борис вспоминал с неудовольствием дом Ростовых и свою детскую любовь к Наташе. Элен приглашает Бориса к себе в гости. Приехав в назначенный час, тот застаёт у Элен большое общество, но при расставании она прошептала ему, что будет его ждать завтра вечером. С того времени Борис стал близким человеком в доме графини Безуховой. Война разгорается, приближаясь к границам России. Жизнь Болконских очень изменилась по сравнению с 1805 годом. Старый князь был определен государем одним из восьми главнокомандующих по ополчению, назначенных тогда по всей России. Эта деятельность возбудила и укрепила его. Он постоянно был в разъездах. Грудной князь Николай жил с кормилицей и няней Савишной на половине покойной княгини, и княжна Марья большую часть дня проводила в детской, заменяя, как умела, мать маленькому племяннику.

Вскоре после возвращения князя Андрея старый князь отделил сына и дал ему Богучарово, большое имение в сорока верстах от Лысых Гор. Князь Андрей воспользовался этим и проводил там большую часть времени. После Аустерлица князь Андрей решил никогда не поступать в армию; и когда началась война и все должны были служить, он, чтобы отделаться от действительной службы, принял должность под начальством отца по сбору ополчения.

26 февраля 1807 года старый князь уехал по округу. Князь Андрей, как и большей частью во время отлучек отца, остался в Лысых Горах. Маленький Николушка был болен уже четвертый день. Ребенок в жару. Марья предлагает подождать доктора. Князь Андрей сам готовит микстуру сыну. Ребенок кричит. Андрей выходит в другую комнату и читает письмо от отца. Тот требует его поездки по службе, но он не поедет. Ему вдруг приходит в голову, что наши одержали победу над Бонапартом именно тогда, когда сам он не служит.

Пьер, приехав в Киев, вызвал в главную контору всех управляющих и объяснил им свои желанья и намерения. Он сказал, что немедленно будут приняты меры для совершенного освобождения крестьян от крепостной зависимости, что до тех пор крестьяне не должны быть отягчаемы работами, что женщины с детьми не должны посылаться на работы, что крестьянам должна оказываться помощь, что наказания должны быть употребляемы увещательные, а не телесные, что в каждом имении должны быть учреждены больницы, приюты и школы. Почти никто ничего не понял, а те, что поняли, тут же увидели лазейки для себя.

Несмотря на огромное богатство графа Безухова, с тех пор как Пьер получил его и получал, как говорили, пятьсот тысяч годового дохода, он чувствовал себя гораздо менее богатым, чем когда он получал свои десять тысяч от покойного графа. Дела идут плохо. Деньги исчезают неизвестно куда. Из года в год писали, ко всему прочему, о пожарах, неурожаях и т. п. Теперь Пьеру надо было заняться делами, но он не имел той практической цепкости, которая бы дала ему возможность непосредственно взяться за дело, и потому Безухов не любил этого и только старался притвориться перед управляющим, что занят делом.

Весной 1807 года Пьер решил вернуться в Петербург, объехав по дороге все свои имения. Главнуправляющий для приезда барина везде приготовил встречи, не пышно-торжественные, которые, он знал, не понравятся Пьеру, но именно такие религиозно-благодарственные, с образами и хлебом-солью, которые, как он понимал барина, должны будут подействовать на графа и обмануть его. Так все и было сделано и так было воспринято наивным Пьером.

В самом счастливом состоянии духа возвращаясь из своего южного путешествия, Пьер заехал к своему другу Болконскому, которого не видал два года. Узнав, что князь Андрей в своем новом отделенном имении, он поехал туда. Князь Андрей очень рад видеть Пьера, гостя же поразила происшедшая перемена в князе. Слова были ласковы, улыбка была на губах и лице князя Андрея, но взгляд — потухший, мертвый, которому, несмотря на видимое желание, князь Андрей не мог придать радостного и веселого блеска.

Разговор, как это бывает после долгой разлуки, не сразу налачился. Пьеру было неудобно выказывать свое счастье, но хотелось рассказать о тех переменах, которые произошли с ним. Говоря о жизни, князь Андрей сказал, что знает в жизни только два несчастья: угрызения совести и болезнь — и что отсутствие их является счастьем для человека. Андрей говорит, что надо жить для себя, избегая только этих двух зол. Но Пьер не согласен с такими выводами приятеля. “А любовь к ближнему, а самопожертвование?.. Жить только так, чтобы не делать зла, чтобы не раскаиваться, этого мало. Я жил так, я жил для себя и погубил свою жизнь. И только теперь, когда я стараюсь жить для других, я ощутил все счастье жизни”. Андрей сказал, что мысли Пьера созвучны настроению его сестры и, вероятно, Пьер сойдется с Марьей во многих взглядах. Андрей возражает Пьеру: “Я жил для славы... Так я жил для других и не почти, а совсем погубил свою жизнь. И с тех пор стал спокоен, как живу для одного себя”. Князь Андрей говорит, что Пьер, выводя учением мужика из животного состояния, приносит ему вред, а не благо, как думает; освобождая от физического труда, лишает условия существования; вылечивая, дает возможность калекам жить и мучиться, вместо того чтобы умереть от удара. На вопрос Пьера, почему Андрей не служит, тот ответил: “Я дал себе слово, что служить в действующей русской армии я не буду... Ежели бы Бонапарте стоял тут, у Смоленска, угрожая Лысым Горам, и тогда бы я не стал служить в русской армии”. Князь Андрей говорит, что крестьян хорошо бы освободить, но не ради них самих, а во имя тех благородных и возвышенных людей, которые, получая власть над людьми, теряют человеческое достоинство, спокойствие совести, чистоты. Пьер говорит, что его спасло масонство. “Это учение христианства, освободившегося от государственных и религиозных оков; учение братства... Только наше святое

братство имеет действительный смысл в жизни; все остальное есть сон”. Князь Андрей заинтересованно слушает Пьера. Потом произносит: “Ты говоришь: вступи в наше братство, и мы тебе укажем цель в жизни и назначение человека и законы, управляющие миром. Да кто же мы? — люди. Отчего же вы все знаете? Отчего я один не вижу того, что вы видите? Вы видите на земле царство добра и правды, а я его не вижу”.

Пьер говорит, что надо жить, надо любить, надо верить, ведь это все временно, а на небе нас ожидает вечность. Андрею хочется верить словам Пьера. Князь глядит в небо, и впервые после Аустерлица ему открывается высокое и вечное небо. И что-то радостное просыпается в нем. Свидание с Пьером стало для князя Андрея эпохой, в которой началась во внутреннем мире его новая жизнь, хотя во внешности та же самая.

Встретившись с Пьером, княжна Марья говорит, что “князю Андрею нужна деятельность, а эта ровная, тихая жизнь губит его” ч Пьер был счастлив, оказавшись в семейной обстановке Болконских. “Они все его любили”. После отъезда Пьера все говорили о нем одно хорошее.

Вернувшись из отпуска, Ростов в первый раз почувствовал, как сильна была его связь с Денисовым и со всем полком. Полк был для Николая тоже домом, домом неизменно милым и дорогим, как и родительский. Ростов, со времени своего проигрыша, решил, что он в пять лет выплатит долг родителям. Ему посылалось по десять тысяч в год, теперь же он решил брать только две, а остальные оставлять родителям для уплаты долга.

Армия ожидала приезда государя и начала новой кампании. Была ростепель, грязь, холод. Дороги сделались непроездны; по нескольку дней не выдавали ни лошадям, ни людям провианта. Люди рассыпались по заброшенным пустынным деревням отыскивать картофель, но уже и того находили мало. Павлоградский полк в делах потерял только двух раненых; но от голоду и болезней лишился почти половины людей. Ростов еще больше сдружился с Денисовым, чувствуя, что несчастная любовь старого гусара к Наташе участвовала в этом усилении дружбы. Денисов старался оберегать Ростова от опасностей. Он, заботясь о своих людях, отбил чужие транспорты с провиантом. Солдаты вволю наелись сухарей, даже поделились с другими эскадронами. На другой день Денисов поехал в штаб улаживать это дело, но возвратился в таком жалком состоянии, в каком Ростов его никогда не видел. Денисова за мародерство отдавали под суд. Предписано было сдать старшему эскадрон и явиться в штаб дивизии для объяснений. Накануне этого дня, будучи на задании, Денисов был ранен и помещен в госпиталь. Воспользовавшись перемирием, Ростов поехал в госпиталь провать Де-

нисова. В солдатских палатах раненые лежали вповалку на полу и соломе, кругом стоял ужасный запах гниения. В офицерских палатах были кровати. Ростов едва отыскал Денисова и здесь встретил Тушина, вывезшего его, раненого, с поля боя под Шенграбенем. Тушин потерял руку. Денисов попросил Николая передать письмо государю с просьбой о помиловании.

Вернувшись в полк и передав командиру, в каком положении находилось дело Денисова, Ростов с письмом к государю поехал в Тильзит, куда тринадцатого июня

съехались французский и русский императоры. Борис Друбецкой значительно продвинулся по службе и в числе немногих был на Немане в “день свидания императоров”. Борис “сделал себе привычку внимательно наблюдать за окружающими и записывать все значительное”. Он дважды исполнял поручение императора, и тот знал его в лицо. Ростов приехал ходатайствовать за Денисова не вовремя. Императоры были заняты переговорами, зваными обедами. Ростов понял, что Друбецкой ему не поможет, но и уезжать, не решив дела Денисова, не собирался. Он хотел лично передать письмо императору. Но неожиданно встретил кавалерийского генерала, бывшего начальника своей дивизии, и передал ему письмо Денисова. Генерал тут же переговорил с государем, но тот отказал под предлогом, что закон превышает всего.

Ростов, как и большинство офицеров и солдат, был недоволен миром, заключенным после Фридланда. Все были уверены, что если бы немного продержаться, то “Наполеон бы пропал”. Николай вышел из себя, стал кричать на одного из офицеров, что не ему судить поступки государя. “А то коли бы мы стали обо всем судить да рассуждать, так этак ничего святого не останется. Эдак мы скажем, что ни Бога нет, ничего нет...”

1808 год. Император Александр ездит в Эрфурт для еще одного свидания с императором Наполеоном. На следующий год близость двух властелинов мира дошла до того, что русский корпус выступает для содействия своему бывшему врагу против Австрии.

Жизнь между тем, настоящая жизнь людей со своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, со своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей шла, как всегда, независимо и вне политической близости или вражды с Наполеоном Бонапарте, и вне всех возможных преобразований.

“Князь Андрей безвыездно живет два года в деревне. Все те предприятия по именьям, которые затеял у себя Пьер и не довел ни до какого результата, беспрестанно переходя от одного дела к другому, все эти предприятия, без высказыванья их кому бы то ни было и без заметного труда, были исполнены князем Андреем”. Он имел ту практическую хватку, которой так недоставало Пьеру. Князь Андрей, кроме занятий по именьям, кроме общих занятий чтением самых разнообразных книг, занимался в это время критическим разбором наших двух последних несчастных кампаний и составлением проекта об изменении наших военных уставов и постановлений.

Весной 1809 года князь Андрей едет в рязанские имения своего сына, которого он был опекуном. “На краю дороги стоял дуб. Вероятно, в десять раз старше берез, составлявших лес, он был в десять раз толще и в два раза выше каждой березы. Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными, давно видно, суками и с обломанной корой, заросшей старыми болячками. С угрожающими своими неуклюже, несимметрично растопыренными корявыми руками и пальцами, он старым, сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца. ‘Весна, и любовь, и счастье! — как будто говорил этот дуб. — И как не надо’ст вам все один и тот же глупый, бессмысленный обман. Все одно и то же, I все обман! Нет

ни весны, ни солнца, ни счастья. Вон смотрите, сидят зада²ленные мертвые ели, всегда одинакие, и вон и я растопырил свои обломанные, ободранные пальцы, где ни выросли они — из спины, из боков. Как выросли — так и стою, и не верю вашим надеждам и обманам".

Хнязь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб... как будто он чего-то ждал от него. "Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб, — думал князь Андрей, — пускай другие, молодые, вновь поддаются на этот обман, а мы знаел жизнь, — наша жизнь кончена!"... Во время этого путешествия он как эудто вновь обдумал всю свою жизнь и пришел к тому же прежнему, успокоительному и безнадежному, заключению, что ему начинать ничего было не надо, что он должен доживать свою жизнь, не делая зла, не трево-жас! и ничего не желая".

По опекунским делам Болконскому надо было увидеться с уездным предводителем, графом Ильей Андреевичем Ростовым, и он поехал в середине мая к нему. Подъезжая к имению, князь Андрей услышал смех и голоса. Наперерез коляске бежали девушки, впереди всех — черноволосая, очень тоненькая, странно-тоненькая, черноглазая девушка в желтом ситцевом платье, повязанная белым носовым платком, из-под которого выбивались пряди волос. Девушка что-то кричала, но, узнав чужого, не взглянув на него, со смехом побежала назад. Князю Андрею вдруг стало отчего-то больно. Чему так рада и счастлива эта девушка, о чем она думает?

Князя Андрея радушно встретили в имении и почти насильно оставили ночевать. Вечером князь Андрей долго не мог заснуть, досадуя на хозяина, задержавшего его на ночь. Было жарко, князь Андрей открыл окно и залюбовался ночным видом, освещенным полной луной. Неожиданно он услышал сверху женский говор. Это были Соня и Наташа. Наташа восхищалась прелестью ночи: "Ну, как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть!.. Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под коленки — ту же, как можно ту же, натужиться надо, — и полетела бы. Вот так!" "И опять она! И как нарочно!" — думал князь Андрей. В душе его вдруг поднялась неожиданная путаница молодых мыслей и надежд, противоречащих всей его жизни...

На другой день, простившись с графом и не дожидаясь выхода дам, князь возвращался домой. Было уже начало июня. В лесу трещали соловьи. Князь вспомнил, что где-то здесь был дуб, "с которым мы были согласны". И он увидел его: "Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого горя и недоверия — ничего не было видно. Сквозь столетнюю жесткую кору пробились без сучков сочные, молодые листья, так что верить нельзя было, что этот старик произвел их..." И на Андрея вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления. Он решил, что жизнь не кончена в 31 год. Он понял, что надо жить для людей, а не только для себя одного.

В августе 1809 года князь Андрей едет в Петербург, предварительно придумав веские для этого причины. Это было время апогея славы молодого Сперанского и энергии совершаемых им переворотов. Князь Андрей привез и передал государю записку о военном уставе. Вскоре его пригласили к Аракчееву. Войдя в кабинет,

князь Андрей увидел “сорокалетнего человека с длинной талией, с длинной, коротко обстриженной головой и толстыми морщинами, с нахмуренными бровями над каре-зелеными тупыми глазами и висячим красным носом”. Аракчеев сказал князю, что тот предлагает новые военные законы, а старых исполнять некому. “Нынче все законы пишут, писать легче, чем делать”. Аракчеев сказал, что не одобряет устава, составленного Болконским, якобы списанного с французского. Но рекомендовал князя Андрея членом комитета о воинском уставе, без жалования. Князь Андрей заинтересовался Сперанским. Либералы заманивали Болконского к себе, потому что он имел репутацию ума и большой начитанности; потому что он своим отпущением крестьян на волю сделал себе репутацию либерала; женщины интересовались им, потому что он был жених, богатый и знатный. Многие находили его переменившимся к лучшему за пять лет, без прежнего притворства, гордости и насмешливости. Появился в нем спокойствие, приобретаемое годами. Князя Андрея представили Сперанскому. Это был “высокий, лысый, белокурый человек лет сорока, с большим открытым лбом и необычайной, странной белизной продолговатого лица”. Он был на редкость спокоен и самоуверен, с твердым и одновременно мягким взглядом, с ровным и тихим голосом. Таковую белизну и нежность лица Андрей видел у солдат, долго пробывших в госпитале. “Князь Андрей такое огромное количество людей считал презренными и ничтожными существами, так ему хотелось найти в другом живой идеал того совершенства, к которому он стремился, что он легко поверил, что в Сперанском он нашел этот идеал вполне разумного и добродетельного человека”. Логический склад ума Сперанского внушал уважение Болконскому. Все представлялось так просто, ясно в изложении Сперанского, что князь Андрей невольно во всем соглашался с ним и спорил только для того, чтобы быть самостоятельным. Лишь одно смущало князя в Сперанском: “...это был холодный, зеркальный, не пропускающий к себе в душу взгляд Сперанского, и его белая, нежная рука”. Это почему-то раздражало князя. Сперанский непоколебимо верил в силу и законность ума. Первоначально князь Андрей восхищался Сперанским, как некогда Бонапартом. “Через неделю после разговора со Сперанским князь Андрей был членом комиссии составления воинского устава и, чего он никак не ожидал, начальником отделения комиссии составления законов. По просьбе Сперанского он взял первую часть составляемого гражданского уложения и, с помощью Наполеоновского кодекса и кодекса Юстиниана, работал над составлением отдела: Права лиц. В 1808 году, вернувшись из своей поездки по имениям, Пьер невольно стал во главе петербургского масонства. “Он устраивал столовые и надгробные ложи, вербовал новых членов, заботился о соединении различных лож и о приобретении подлинных актов. Он давал свои деньги на устройство храмин и пополнял, насколько мог, сборы милостыни, на которые большинство членов были скупы и неаккуратны. Он почти один на свои средства поддерживал дом бедных, устроенный орденом в Петербурге”. Жизнь его между тем была прежней: он любил поесть и выпить и не чуждался увеселений холостяцкого общества. Чувствуя, что почва масонства, на которой он стоял, все больше уходит у него из-под ног, он тем тверже старался устоять на ней. В окружающих братьях-масонах Пьер видел стремление к чинам, скупость на милостыню, в душе Пьера поднимались сомнения. Сердце его не

лежало и к мистической стороне масонства. Пьер начинал чувствовать себя неудовлетворенным своей деятельностью. Он подозревал, что русское масонство пошло по ложному пути и отклонилось от своего источника. Он едет за границу для посвящения себя в высшие тайны ордена и возвращается в Петербург летом 1809 года.

Все масоны Петербурга приехали к нему, заискивали в нем, и всем казалось, что он что-то скрывает и готовит. Было назначено торжественное заседание ложи 2-го градуса, в которой Пьер обещал сообщить то, что он имеет передать петербургским братьям от высших руководителей ордена. Краснея и запинаясь, Пьер объявил, что “недостаточно блюсти... таинства, нужно действовать... действовать. Мы находимся в усыплении, а нам нужно действовать... извлекать из праха людей достойных, подсоединяя их к нашему ордену... Надобно учредить всеобщий владычествующий образ правления, который распространялся бы над целым светом... Как скоро будет у нас некоторое число достойных людей в каждом государстве, каждый из них образует опять двух других, и все они тесно между собой соединятся, — тогда все будет возможно для ордена, который втайне успел уже сделать многое ко благу человечества”.

Речь Пьера не нашла поддержки. На него опять нашла тоска. И тут он получает письмо от жены, умоляющей его о свидании. Она скоро будет в Петербурге. Вслед за письмом появляется один не очень им уважаемый брат-масон, который доказывает Пьеру, что он слишком строг с Элен. Теща, жена князя Василия, приглашает его к себе для важного разговора. Пьер уезжает в Москву, чтобы посоветоваться с почитаемым им масоном Иосифом Алексеевичем Баздеевым. Самосовершенствование и самопознание — вот что выносит он из разговора с масоном.

Вернувшись в Петербург, Пьер мирится с женой. Он удивлен тем, что за прошедшее время Элен успела приобрести репутацию “прелестной женщины, столь же умной, сколько и прекрасной”. Она пользуется большим успехом, ее заметил сам Наполеон в Эрфурте, быть принятым в салоне графини считалось дипломом ума. “Пьер, который знал, что Элен была очень глупа, с странным чувством недоумения и страха иногда присутствовал на ее вечерах и обедах... ожидая всякий раз, что вот-вот обман откроется”. Но репутация Элен была так крепка, что в самых больших ее глупостях отыскивали глубокий смысл. Пьер присутствует при всем, но ни в чем не участвует — он самый удобный муж. В доме Элен ежедневно бывает Борис Друбецкой, к которому Пьер испытывает необъяснимую антипатию. Сам он работает над собой, стремится к самоусовершенствованию.

“Денежные дела Ростовых не поправились в продолжение двух лет, которые они пробыли в деревне”. Из-за плохого ведения хозяйства долги росли. Единственным выходом в этой ситуации казалось поступление старого графа на службу, и Ростовы переезжают в Петербург. Вскоре Берг делает предложение Вере, старшей дочери Ростовых, его принимают. Берг так упорно и часто рассказывал о том, как в Аустерлицком сражении, раненый в правую

руку, он держал шпагу в левой, что умудрился получить за Аустерлиц целых две награды. Отличился он и в Финляндской войне, когда поднес начальнику осколок

гранаты, которым был убит адъютант возле главнокомандующего. И в этот раз он часто и много рассказывал об этом — и получил две награды. В 1809 году Берг был капитан гвардии и занимал в Петербурге какие-то особенные выгодные места. Вере было уже двадцать четыре года, она выезжала везде, и хотя несомненно была хороша и рассудительна, до сих пор никто никогда не сделал ей предложения. Так что неравенство происхождения не было принято во внимание. Берг требует приданого и успокаивается только на двадцати тысячах наличными и векселе на восемьдесят тысяч рублей.

Наташе 16 лет, и она уже четыре года не видела Бориса. Тот ехал к Ростовым не без волнения, он хотел сразу ясно дать понять, что ребяческим мечтам пришел конец. У него блестящее положение в обществе, благодаря интимности с графиней Безуховой, блестящее положение на службе, и, ко всему прочему, появилась возможность жениться на одной из самых богатых невест Петербурга. Борис был поражен происшедшей в Наташе перемене. Он снова увлекается ею, сознавая при этом, что не должен отдаваться этому чувству, потому что это стало бы гибелью его карьеры. И все же он стал ездить к Ростовым часто и проводил у них целые дни. Борис перестал бывать у Элен, ежедневно получая укорительные записки от нее, и все-таки целыми днями сидел у Ростовых. Наташа решает поговорить о Борисе с матерью. “Что ты хочешь от него?” — спрашивает мать и продолжает: “Ты и сама не любишь его... Ему не надо так часто ездить”. На другой день графиня, пригласив к себе Бориса, переговорила с ним, и с того дня он перестал бывать у Ростовых. Накануне нового, 1810 года у екатерининского вельможи дают бал. Там должен был быть дипломатический корпус и государь. Для Наташи это будет первый в ее жизни большой бал. Она весь день провела в лихорадочной тревоге и деятельности. Самое главное — чтобы все были одеты как нельзя лучше. Все уже одеты, Наташа запаздывает. За весь день она ни разу не успела подумать о том, что предстоит ей. Это было так прекрасно, что она даже этому не верила. На бал собралось огромное количество гостей. Ростовым потихоньку сообщают о прибывающих. “Это миллионерка-невеста... Это брат Безуховой — Анатолий Курагин... И ваш-то соизт, Друбцкой, тоже очень увивается...” Пьер Безухов беседует о чем-то с невысоким молодым человеком в белом мундире: это Болконский. Наташа переживает: неужели ее никто не пригласит на танец и она простоит весь бал у стены. Пьер попросил Болконского пригласить на танец Наташу. Увидев Наташу, Андрей вспоминает ночь в деревне. Она счастлива “приглашению. Князь Андрей был одним из лучших танцоров своего времени. Наташа танцевала превосходно”. Танцуя с этой девочкой, князь Андрей почувствовал себя ожившим и помолодевшим. После этого танца Наташу пригласил Борис, затем у нее уже не было отбоя от кавалеров, которых она передавала Соне. Танцуя с Наташей повторно, князь Андрей рассказал ей, что слышал ее ночной разговор в Отрадном. Наташа смущена. Андрею нравится Наташа своей простотой, неумением скрывать чувства, “даже ошибками во французском языке”. Князь Андрей следит за ней глазами и вдруг, неожиданно для самого себя, загадывает: “Ежели она подойдет прежде к своей кухне, а потом к другой даме, то она будет моей женой”. Она подошла прежде к кухне. Решив, что все это вздор, князь Андрей подумал, что эта девушка так мила, так особенна, что не протанцует здесь и месяца и выйдет замуж.

Это здесь редкость.
Пьер на этом бале в первый раз почувствовал себя оскорбленным тем положением, которое занимала его жена в высших сферах. Он был угрюм и рассеян. Наташе захотелось помочь ему, но как? “Как могут быть они недовольны чем-то, особенно такой хороший, как этот Безухов?” — думает Наташа.

На следующий день князь Андрей вспоминает вчерашний бал и... Наташу. К нему приходит знакомый чиновник, рассказывает что-то из области высокой политики, князь Андрей слушает его с насмешкой. Какое все это имеет значение? В тот же день он обедает у Сперанского, но все, что прежде таинственно и привлекательно представлялось князю Андрею в Сперанском, вдруг стало ему ясно и непривлекательно. Он рано уходит. Дома вспоминает свои хлопоты, искательства, историю своего проекта военного устава, вспоминает о заседаниях комитета, членом которого был Берг; вспомнил о своей законодательной работе, как он озабоченно переводил на русский язык статьи римского и французского свода, и ему стало совестно за себя.

На другой день князь Андрей едет к Ростовым. Ему хочется видеть дома эту особенную, оживленную девушку. Ростовы встретили его как старого друга, просто и радушно. Наташино пение восхитило Андрея. Он “почувствовал неожиданно, что к его горлу подступают слезы, возможность которых он не знал за собой. Он был счастлив, и ему вместе с тем было грустно”. Он не спал всю ночь. “Ему и в голову не приходило, чтоб он был влюблен в Ростову; он не думал о ней; он только воображал ее себе, и вследствие этого вся жизнь его представлялась ему в новом свете... И он в первый раз после долгого времени стал делать счастливые планы на будущее”. К Пьеру является Берг и приглашает на семейный вечер, первый после его женитьбы на Вере Ростовой. Тут все чисто, светло, кругом бюстики, застегнутые мундиры. В гостиной нигде нельзя было сесть, не нарушив симметрии, чистоты и порядка. Разговоры ведутся на политические темы. “Вечер был как две капли воды похож на всякий другой вечер с разговорами, чаем и зажженными свечами”. Приехали Ростовы. Наташа была молчалива, чем удивила Пьера. Князь Андрей что-то говорил ей мягко и нежно. Она смотрела на него, стараясь удерживать порывистое дыхание. И яркий свет какого-то внутреннего, прежде потушенного огня опять горел в ней. Она вся преобразилась. “Что-то очень важное происходит между ними”, — решил Пьер.

На следующий день князь Андрей приехал к Ростовым и провел у них весь день. Все в доме чувствовали, для кого ездил князь Андрей. Все со страхом и смущением чего-то ждали. Князь Андрей поражал Наташу своей робостью. Было видно, что он хочет ей что-то сказать, но не может решиться. “Такого со мной никогда не бывало!” — говорит она матери. А в это время князь Андрей говорит Пьеру. “Я влюблен, мой друг”. Пьер грустен: чем светлее представлялась ему судьба князя Андрея, тем мрачнее представлялась своя собственная.

Для женитьбы нужно было согласие отца, и для этого на другой день князь Андрей поехал к нему. С наружным спокойствием, но внутренней злобой старый князь выслушал сына. Он не мог понять того, чтобы кто-нибудь хотел изменить жизнь,

вносить в нее что-нибудь новое, когда жизнь для него уже кончалась. “Дали бы только дожить так, как я хочу, а потом бы делали, что хотели”, — говорил себе старик. Сыну, однако, он этого не показал ясно. По его мнению, во-первых, женитьба не блестящая в отношении родства, богатства и знатности. Во-вторых, князь Андрей не первой молодости и слаб здоровьем, а она очень молода. В-третьих, есть сын, которого жалко отдать девчонке. В-четвертых, наконец, сказал отец, насмешливо глядя на сына, “я тебя прошу, отложи дело на год, съезди за границу, полечись, сыщи, как ты и хочешь, немца для князь Николая, и потом, ежели уж любовь, страсть, упрямство, что хочешь, так велики, тогда женись. И это последнее мое слово...” Князь Андрей решил исполнить волю отца.

Через три недели после своего последнего вечера у Ростовых князь Андрей вернулся в Петербург. На другой день после объяснения с матерью Наташа ждала его весь день, но князь Андрей не приехал. То же завтра и послезавтра. Не было и Пьера. Так прошли три недели. Наташа несчастна. Приезжает Болконский, объясняющий свое отсутствие поездкой к отцу, и просит руки Наташи. Графиня принимает предложение. “Но ваш батюшка...” Он желает отложить свадьбу на год. Графиня зовет Наташу. Князь Андрей объясняется ей в любви. Любит ли она его? — Да! “Князь Андрей держал ее руку, смотрел ей в глаза и не находил в своей душе прежней любви к ней. В душе его вдруг повернулось что-то: не было прежней поэтической и таинственной прелести желания, а была жалость к ее женской и детской слабости, был страх перед ее преданностью и доверчивостью, тяжелое и вместе радостное сознание долга, навеки связавшее его с нею”. Знает ли Наташа, что свадьба состоится не раньше, чем через год? — Нет. “Но вы свободны: помолвка наша останется тайной... В год вы узнаете себя...” С этого дня князь Андрей женихом стал ездить к Ростовым.

О помолвке широко не объявлялось. Князь Андрей не хотел стеснять свободу Наташи. Накануне своего отъезда из Петербурга князь Андрей привез с собой Пьера. Он советует Наташе, что бы ни случилось, прежде всего обратиться за советом и помощью к Пьеру. Наташа очень тяжело переживает разлуку с Андреем. Но через две недели после его отъезда она, так же неожиданно для окружающих, очнулась от своей нравственной болезни, стала такая же, как прежде...

В последнее время здоровье старого Болконского ухудшилось, он стал раздражительнее и желчнее, срывая свою злость на княжне Марье, стараясь ее обидеть побольнее. У княжны Марьи — две страсти и потому две радости: племянник Николушка и религия. Князь издевается и над тем, и над другим. Он постоянно оскорбляет Марью. Но она даже не пытается найти ему прощения — он, конечно же, был справедлив! Она замечает перемену в брате, но он ничего не говорит ей о своей любви. Он пишет ей о своих планах из Швейцарии. Прошла уже половина срока. Князь Андрей просит Марью спросить отца — не сократит ли он срок на три месяца. “Напиши брату, чтобы подождал, пока умру... Не долго — скоро развяжу...” — отвечает отец. У княжны Марьи в самой тайне ее души была скрытая мечта и надежда — оставить семью, родину, все заботы о мирских благах и ходить под чужим именем с места на место, не делая вреда людям и молясь за них, молясь и за тех, которые гонят, и за тех, которые покровительствуют... Она особенно любит одну странницу по имени Федосьюшка. Та рассказала ей о своей жизни, и Марья

решила, что ей надо идти странствовать. Духовник одобрил ее намерение. Она припасла себе полное одеяние странницы, но пойд не решалась уйти, так как любила отца и племянника больше, чем Бога.

ЧАСТЬ

IV

Николай Ростов доволен службой, принял от Денисова эскадрон. Товарищи уважают его. Но из дома приходят все более тревожные письма — дела идут все хуже. Николаю очень не хочется покинуть привычную и любимую им среду, заниматься хозяйственными делами, да там еще Соня и обещание ей... В 1810 году он получает письмо от родных, в котором они извещали о помолвке Наташи с Болконским и о том, что свадьба будет через год. Весной же мать, тайком от мужа, сообщила Николаю, что если Николай не приедет и не возьмется за дело, то все имение пойдет с молотка и все пойдут по миру. Граф слаб, его все обманывают. Надо было ехать, если не в отставку, то в отпуск. Сослуживцы устраивают Николаю торжественные проводы. И вот Николай дома. Соне уже двадцатый год. Она вся дышит счастьем и любовью с тех пор, как приехал Николай. Пете тринадцать лет. Очень изменилась Наташа.

Николая мучила необходимость вмешаться в дела хозяйства. Он потребовал у управляющего все счета, поругался с ним, порвал старый вексель Анны Михайловны Друбецкой — и на этом его хозяйственные заботы сменились псовой охотой.

Сентябрь — месяц охоты. Так было заведено у Ростовых. На охоту едут также Наташа и Петя. Решился ехать и старый граф. Гончих собак у Ростовых было пятьдесят четыре. Отправившись в путь, повстречали дальнего родственника Ростовых Илью Андреевича, небогатого соседа. Ночевать решили у него. Тот щедро угощает гостей. Дядюшка во всем околотке губернии имел репутацию благороднейшего и бескорыстнейшего чудака. Его призывали судить семейные дела, ему поверяли тайны, его делали душеприказчиком, но от общественной службы он всегда упорно отказывался. Из коридора между тем слышались звуки балалайки. Наташе музыка очень понравилась. Принесли гитару. Дядюшка поет. Наташа просит спеть еще. Она идет плясать. Она графиня, воспитана француженкой, но движения ее — исконно русские, неподражаемые, неизучаемые. Потом дядюшка снова поет народные песни. Наташа в восторге. За ними присылают экипаж — граф и графиня беспокоятся.

Дела Ростовых идут к полному разорению. Толкуют уже о продаже богатого родового дома Ростовых и подмосковной усадьбы. В ростовском доме полным-полно непонятно почему живущего здесь народа, да еще охоты, да еще дорогие подарки друг другу в именины и торжественные широкие обеды на весь уезд, опять же карты... “Граф, как в огромных тенетах, ходил в своих делах, стараясь не верить тому, что он запутался, и с каждым шагом все более и более запутываясь и чувствуя себя не в силах ни разорвать сети, опутавшие его, ни осторожно, терпеливо приняться распутывать их”. Графиня считала, что единственный путь поправить дела — женитьба Николая на богатой. Была и подходящая партия — Жюли Карагина, с детства известная Ростовым.

Наташа очень тосковала по князю Андрею, ей казалось, что время, проведенное без

него, убивает ее.
Пришли ряженные с медведем. Молодежь Ростовых тоже нарядились: Николай — барыней в фижмах, Петя — турчанкой, Наташа — гусаром, а Соня — черкесом. Их костюмы были так хороши, что они решили съездить на тройках к соседям. Вскоре после святок Николай объявил матери о своей любви к Соне и о твердом решении жениться на ней, но мать ответила, что никогда не даст благословения на этот брак. Николай уехал в полк с твердым намерением устроить свои дела, выйти в отставку, приехать и жениться на Соне.
Наташа все мучительнее скучала по жениху. Его ждали вскоре в Москву, где жил в эту зиму его отец, и в конце января старый граф, взяв Наташу и Соню, уехал туда же, а болевшая графиня осталась в деревне.

ЧАСТЬ

V

После сватовства князя Андрея и Наташи, без всякой очевидной причины, Пьер вдруг почувствовал невозможность продолжать свою прежнюю жизнь. Он разочаровывается в масонстве, снова начинает пить, сближается с холостяцкими компаниями, раздает всем подряд деньги, танцует на балах... “Чтобы не компрометировать жену”, он уезжает в Москву. Московское общество приняло Пьера как своего давножданного гостя. Здесь его считали самым милым, добрым, умным, веселым, великодушным чудачком, рассеянным и душевным, русским, старого покроя, барином. Кошелек его всегда был пуст, потому что открыт для всех. Без него не было в клубе ни обеда, ни вечера. Где ссорились, он — одной своей доброй улыбкой и кстати сказанной шуткой — мирил. Пьер был тем отставным, добродушно доживающим своей век в Москве камергером, каких были сотни. Он все так же задумывался над смыслом жизни и своего существования, но, зная, что на эти вопросы нет ответов, брался за книгу или спешил в клуб... Пить вино становилось для него все более и более физической и вместе нравственной потребностью.

В начале зимы в Москву приехал с дочерью и внуком Николай Андреевич Болконский. Он сделался тотчас же предметом особенной почтительности москвичей и центром московской оппозиции правительству. Жизнь княжны Марьи в Москве была очень тяжела. Князь сильно постарел за последний год, в нем проявились резкие признаки старости, что еще больше ухудшило его обращение с дочерью. В Москве Марья была лишена своих лучших радостей — бесед с божьими людьми и уединения, которые помогали ей в Лысых Горах, и не имела никаких выгод и радостей столичной жизни. В свет она не ездила. Надежду на замужество княжна Марья совсем оставила. Друзей у нее не было. Мадемуазель Бурьен, к которой она прежде питала симпатию, теперь стала ей неприятна. Жюли, которая была в Москве и которой княжна Марья писала пять лет сряду, оказалась совершенно чуждой ей, погруженная в светские удовольствия, ведь она теперь стала одной из самых богатых невест в Москве. Ко всему прочему, княжна Марья в своих отношениях с Николушкой с ужасом узнавала в себе свойство раздражительности своего отца. Отец издевался над княжной Марьей, говоря, что если князь Андрей женится на Ростовой, так и он женится на мадемуазель Бурьен, и всячески выказывал к ней любовь. Старого князя иногда посещают его старые военные, чтобы поговорить о политике. Из молодых приезжают Пьер и Борис

Друбецкой. Пьер заговаривает с княжной Марьей о Друбецком. По его мнению, тот выбирает, на которой из богатых невест жениться: на ней, Марье, или на Жюли Карагиной. На вопрос, пошла бы она за Бориса Друбецкого, княжна Марья со слезами в голосе отвечает: “Есть такие минуты, что я пошла бы за всякого”. И она заплакала. Пьер расспрашивает Марью, но она ничего говорить не хочет, кроме того, что женитьба князя Андрея угрожает поссорить отца с сыном. Княжна Марья холодно приняла Бориса, а потому он начинает ездить к Жюли Карагиной, к которой испытывает отвращение. Все же он признается ей в любви, и скоро должна состояться свадьба.

В нынешний приезд в Москву Ростовы не поехали в свой нетопленный дом, а остановились у Марьи Дмитриевны Ахросимовой. На другой день граф Илья Андреевич поехал с Наташей к князю Николаю Андреевичу. Он ехал туда с тяжелым сердцем. Дурные его предчувствия оправдались: первая навстречу гостям вышла мадемуазель Бурьен, которая проводила их к княжне. Наташа с первого взгляда не понравилась княжне Марье. Она показалась ей слишком нарядной, легкомысленно-веселой и тщеславной. Дверь комнаты отворилась, и вошел князь в белом колпаке и халате. ““Извинить прошу... видит Бог, не знал”, — повторил он так ненатурально... и так неприятно, что княжна Марья стояла, опустив глаза, не смея взглянуть ни на отца, ни на Наташу. Наташа, встав и присев, тоже не знала, что ей делать”. Когда вернулся уезжавший на некоторое время граф Ростов, Наташа заторопилась уезжать. Дома она села в своей компате и долго рыдала. Соня пыталась ее утешить. Вечером Ростовы едут в оперу, где встречают знакомых — Жюли с Борисом, Долохова, “по которому сходят с ума все московские барыни”. В соседний бенуар входит высокая красивая дама с огромной косой и очень оголенными белыми, полными плечами и шеей. Это Элен Безухова. Наташа увлечена действием на сцене. К Безуховой входит необыкновенно красивый адъютант. Это Анатолий Курагин, брат Элен. Он прошел в первый ряд и сел рядом с Долоховым. В антракте Элен представляет брата Наташе. Анатолий сообщает, что у них устраивается карусель и будет очень весело. Он приглашает Наташу, “не спуская улыбающихся глаз с лица, с шеи, с оголенных рук Наташи. Ей было это приятно”. “Глядя ему в глаза, она со страхом чувствовала, что между им и ею нет той преграды стыдливости, которую всегда она чувствовала между собой и другими мужчинами. Она, сама не зная как, через пять минут чувствовала себя страшно близкой к этому человеку”. Только приехав домой, Наташа смогла-обдумать, что с ней произошло, и, вдруг-вспомнив о князе Андрее, ужаснулась. Она чувствует угрызения совести, но остановиться не может.

Анатолий Курагин слишком дорого обходился князю Василию в Петербурге, а потому он, предварительно выхлопотав сыну должность адъютанта главнокомандующего, отослал его в Москву с наказом, чтобы там он наконец женился на богатой. Он указал ему на княжну Марью и Жюли Карагину. Приехав в Москву, Анатолий остановился у Пьера, который со временем привык к нему и даже в какой-то мере содержал его. Анатолий вел самый разгульный образ жизни, но жениться попыток не делал: он уже два года как был женат. Один небогатый польский помещик заставил его жениться на своей дочери. Анатолий вскоре бросил жену, посылал ей кое-какие деньги,

а за это ему было позволено вести холостую жизнь. Анатолий всегда был доволен собой и своей жизнью, был уверен, что никогда ничего плохого никому не сделал. Мыслительные способности его были крайне ограничены. Каких-то особых черт характера у него не было: ни страсти к игре, ни тщеславия, ни честолюбия, ни скупости. Единственное, что он любил, было веселье и женщины. Наташа произвела на Курагина сильное впечатление, то есть ему понравились ее руки, плечи, ноги и волосы, а потому он решил приволокнуться за нею. Что из этого могло выйти — какое это имело значение?

На следующий день после театра Ростовы никуда не ездили. Наташа с минуты на минуту ждала князя Андрея, но его не было. Ей уже казалось, что он или никогда не приедет, или, прежде чем он приедет, с ней случится что-нибудь. Она раздумывала над тем, не нарушила ли она уже верность князю Андрею. В воскресенье явилась Элен Безухова. Эта женщина очень нравилась Наташе. Элен же забавляла мысль свести брата Анатолия с Наташей. Прежде она досадовала на Наташу за то, что в Петербурге она отбила у нее Бориса, но все это было в прошлом. Элен расписывает Наташе влюбленность в нее Анатолия и приглашает ее на вечер. Граф Илья Андреевич повез своих девиц к графине Безуховой. К неудовольствию графа, общество состояло преимущественно из мужчин и дам, известных вольностью обращения. Анатолий не отходит от Наташи. Делает ей комплименты, объясняется в “безумной” любви. Вернувшись домой, Наташа не спит всю ночь. Она сама теперь не может понять, кого она любит: Анатолия или князя Андрея? Наутро Марья Дмитриевна Ахросимова, ездившая накануне к Болконскому, посоветовала Ростовым вернуться в деревню и там ждать князя Андрея, чтобы не было скандала со стариком Болконским, который до сих пор не смирился с решением сына жениться. Илья Андреевич согласен. Марья Дмитриевна передает Наташе письмо от княжны Марьи. Та просит о свидании. Но князь Андрей уже отдалился от Наташи, все ее мысли — об Анатоле. И тут ей передают любовное письмо Анатолия. “Он похитит ее и увезет на край света”. Письмо это случайно попадает на глаза Соне. Наташа решила отказать князю Андрею, она безумно любит Анатолия и не может без него жить.

В пятницу Ростовы должны были ехать в деревню, а в среду граф уехал по делам. В день отъезда графа Соня с Наташей были званы на большой обед к Курагиным. Их повезла Марья Дмитриевна. Наташа снова о чем-то уединенно говорит с Анатолом. Соня беспокоится. Она боится, что Наташа погубит себя. Наташа стала избегать Соню. Накануне дня, когда должен был вернуться граф, Соня заметила, что Наташа как будто чего-то ждет. И вдруг Соня все поняла: “Она убежит с ним!” Графа нет, к кому обратиться? Сказать Марье Дмитриевне она постеснялась. Анатолий переселился к Долохову, и тот разработал план похищения Наташи. Наташа должна была выйти в десять часов вечера на заднее крыльцо к Курагину. Тот посадит ее в тройку и увезет в село Каменку за шестьдесят верст от Москвы, где поп-расстрига их якобы обвенчает. Оттуда они поедут за границу. У Анатолия было все готово — паспорт, дорожная, взятые у сестры десять тысяч рублей да столько же, занятых через посредство Долохова. Подготовлены и подставные свидетели. Долохов колеблется — напоминает, что “пока можно бросить эту затею”.

Марья Дмитриевна, застав заплаканную Соню в коридоре, заставила ее во всем признаться. Так что когда похитители прибыли, дворник пропустил их во двор, но не выпускал обратно. Те все же убежали. Наташа плачет и обвиняет всех в том, что разлучили ее с любимым. Марья Дмитриевна недоумевает, почему Анатолю понадобилось увозить Наташу тайно. Зачем он открыто не ходил в дом, почему не сделал предложения, как положено?! Что она скажет завтра отцу? А если узнают Наташин брат и жених? Оказывается, жениха больше нет — ему отказано все равно. Отец Наташи вызовет Анатоля на дуэль. Марья Дмитриевна, ничего пока не говоря отцу Наташи, вызывает к себе Пьера. Обычно Пьер старался не общаться слишком часто с Наташей — ему казалось, что он испытывает к ней чувство, гораздо более сильное, чем то, что может испытывать женатый человек к невесте своего друга. Пьер с удивлением выслушал рассказ Марьи Дмитриевны. Кстати, Пьер знал о тайной женитьбе Анатоля. Да и вообще, как Наташа могла променять умного, утонченного Андрея на дурака Анатоля? Пьер говорит Наташе о женитьбе Анатоля. Марья Дмитриевна хочет сохранить все в тайне, чтобы не случилось дуэли. Пьер едет разыскивать Анатоля, о котором думает с бешенством. Тот между тем надеется еще все поправить, что и обсуждает с Долоховым. Вечером Пьер застал Анатоля у Элен. “Где вы — там разврат, зло”, — гневно говорит Пьер жене. Анатолю делает вид, будто не понимает, в чем дело. Пьер забирает у Анатоля письма Наташи. Анатолю просит денег. Пьер с презрением соглашается. “О, подлая, бессердечная порода!” — с этими словами Пьер уходит. Приехав к Марье Дмитриевне, он узнает, что Наташа отравилась мышьяком, но выпила немного — испугалась и разбудила Соню. Пьер в клубе опровергает слухи о попытке похищения Ростовской — просто его шурин сделал ей предложение и получил отказ.

Князь Николай Андреевич узнал обо всем через мадемуазель Бурьен и прочел записку Наташи княжне Марье. Он был очень доволен. Князь Андрей, приехав в Москву, в первую же минуту получил от отца записку Наташи с отказом жениху и услышал от отца рассказ о похищении Наташи. Наутро к нему приехал Пьер. Князь Андрей передал ему все письма Наташи и ее портрет. Князь Андрей считает, что падшую женщину надо простить, но сам он прощать неспособен. Пьер отдает все это Наташе, которая чувствует себя виноватой. Пьер спрашивает, любила ли она “этого дурного человека”? Она не знает, она ничего не знает... Пьер предлагает ей свою дружбу. Он говорит ей, что ежели он был бы не он, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире и был бы свободен, то он сию бы минуту на коленях просил руки и любви ее. Наташа растрогана. Пьер едет по Пречистенскому бульвару и видит яркую комету 1812 года, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света.

ТОМ

ТРЕТИЙ

ЧАСТЫ

С конца 1811 года началось усиленное вооружение и сосредоточение сил Западной Европы, и в 1812 году эти силы двинулись с запада на восток, к границам России, к которым точно так же с 1811 года стягивались силы России. 12 июня силы Западной Европы перешли границы сии, нача-

лась война. Каковы причины того, что миллионы людей совершали друг против

друга бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, не считая это преступлением? Историки с наивной уверенностью говорят, что причинами этого была обида, нанесенная герцогу Ольденбургскому, несоблюдение континентальной системы, властолюбие Наполеона, твердость Александра, ошибки дипломатов и т. п. Для нас, потомков, причины представляются в неисчислимом количестве. Каждая отдельно взятая причина кажется нам справедливой и одинаково ложной по своей ничтожности в сравнении с громадностью события. Если бы Наполеон не оскорбился требованием отступить за Вислу и не велел наступать войскам, не было бы войны; но если бы все сержанты не пожелали поступить на вторичную службу, тоже войны могло бы не быть. Если бы не интриги Англии, если бы не принц Ольденбургский, если бы не оскорбленное чувство Александра, если бы не самодержавие в России, если бы не французская революция... Действия Наполеона и Александра, от слова которых зависело, казалось, чтобы событие совершилось или нет, — были так же мало произвольны, как и действия каждого солдата, шедшего в поход по жребию или по набору. Фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений (то есть тех, разумность которых мы не понимаем). Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей. Царь — есть раб истории. Ничто не причина. Когда созрело яблоко и падает — отчего оно падает? Все это только совпадение тех условий, при которых совершается всякое событие. В исторических событиях так называемые великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию, которые, так же как ярлыки, менее всего имеют связи с самим событием. Каждое их действие, которое, казалось, совершали они сами, по своей воле, в историческом смысле произвольно и находится в связи со всем ходом истории и определено навечно.

Наполеон приказал своим войскам форсировать Неман. Войска, воодушевленные присутствием императора, собирались дойти до Индии. В присутствии императора польские уланы бросились в реку и тонули на его глазах, хотя за полверсты был брод; сорок улан утонуло, а Наполеон почти не обратил внимания на это “геройство и преданность улан”. Для него было не ново, что его присутствие повергает людей в безумие самозабвения. Между тем русский император уже более месяца жил в Вильне, делая смотры и маневры. Ничто не было готово для войны. Общего плана действий не было. В каждой из трех армий был свой отдельный главнокомандующий, общего над ними не было — император не принимал на себя этого звания. Устраивается бал для императора. Графиня Безухова затмила своей русской красотой утонченных польских дам. Был на балу и Борис Дру-бецкой, человек теперь уже богатый. Он замечает, что императору сообщают что-то неожиданное. Борис решил подслушать, пробирается следом за императором. Тот гневно говорил: “Без объявления войны вступить в Россию... Я помирюсь только тогда, когда ни одного вооруженного неприятеля не останется на моей земле”. Чувствовалось, что ему доставляет удовольствие говорить эти слова. Борис первый узнал о переходе французскими войсками Немана и, имея случай показать свою посвященность в высокие тайны, еще больше укрепил свою репутацию.. Вот уж неожиданность! — уже месяц, как все этого ждали! Александр пишет

Наполеону ничего не значащее письмо и отправляет его со своим посланником Балашовым. По дороге тот встречается с Мюратом, который спорит с ним: “Так вы считаете зачинщиком не императора Александра?” Балашев объяснил, почему он действительно полагал, что начинателем войны был Наполеон. После проволок Наполеон дает аудиенцию Балашеву, причем делает это в том самом доме в Вильне, из которого отправлял его Александр, т. к. через четыре дня после встречи Балашева с Александром город заняли французы.

Роскошь и пышность двора императора Наполеона поразили Балашева. И вот появляется Наполеон. “Он был в синем мундире, раскрытом над белым жилетом, спускавшимся на круглый живот, в белых лосинах, обтягивающих жирные ляжки коротких ног, и в ботфортах... Белая пухлая шея его резко выступала из-за черного воротника мундира... Вся его потолстевшая, короткая фигура с широкими толстыми плечами... и грудью имела тот представительный, осанистый вид, который имеют в холе живущие сорокалетние люди”. Идет пустой разговор, который явно ни к чему привести не должен. Ко всему прочему, Балашев получает приглашение к столу императора. За обедом французы интересуются Москвой, числом домов и церквей. Наполеон передает письмо Александру. Война началась.

После свидания с Пьером князь Андрей едет в Петербург якобы по делам, но на самом деле для того, чтобы встретиться с Анатолом Курагиным. Но Анатолий, предупрежденный Пьером, уехал в Молдавскую армию. В Петербурге князь Андрей встречает Кутузова, теперь главнокомандующего Молдавской армией, и, получив назначение состоять при штабе главной квартиры, уезжает в Турцию. Не найдя Курагина, он возвращается в Россию. Князь Андрей переменялся: он оставил свои прежние мысли о вечном, пришедшие к нему впервые на Аустерлицком поле, и интересуется только самыми насущными, ближайшими делами. Он усердно служит, удивляя Кутузова своей охотой к работе и аккуратностью. Его спокойствие отравляет только мысль о том, что оскорбление еще не вымещено, злоба не излита. Князь Андрей просит перевода в Западную армию и заезжает по дороге в Лысые Горы. “Марья была все та же робкая, некрасивая, стареющая девушка, в страхе и вечных нравственных страданиях, без пользы и радости проживающая лучшие годы своей жизни. Воипеппе была так же радостно пользующаяся каждой минутой своей жизни и исполненная самых для себя радостных надежд, довольная собой, кокетливая девушка. Она только стала увереннее... Старый князь... нравственно был все такой же... только с еще большим озлоблением и недоверием к действительности того, что происходило в мире. Один только Николушка вырос, переменялся, разругался... он один не слушался закона неизменности в этом заколдованном, спящем замке”. Князь Андрей пытается защитить сестру, обвиняя “ничтожную женщину”, то есть мадемуазель Бурьен. Старик гонит его из дома. Марья уговаривает его остаться еще на день и просит его простить своих врагов. Она хочет, чтобы Андрей помирился с отцом.

Князь Андрей является к Барклаю де Толли, к которому назначен. Неподалеку была и ставка государя. Вокруг скопилось огромное количество генералов и придворных. Оказалось, что Анатолий Курагин в Петербурге. Структура командования крайне запутанна и нерациональна. Все поделе-

ны на несколько лагерей и кланов. Балашев и Аракчеев подписывают письмо к государю с воззванием к народу. Тот его принимает. Познакомившись с обстановкой, князь Андрей при встрече с государем просит позволения служить в армии. Ростов перед самым открытием кампании получает письмо из дома, где ему сообщают о разрыве Наташи с женихом, о ее болезни и опять просят его выйти в отставку и приехать домой. Николай не собирается этого делать, но пишет, что сделает все возможное. Отдельно же Соне он пишет, что почел бы себя трусом, если бы сейчас уехал из армии, когда Отечество в опасности. Если он останется жив, то непременно вернется и женится на ней.

Началась кампания, полк был двинут к Польше, Николай теперь уже ротмистр. Он счастлив. 13 июля был первый бой. Ростов в пылу боя чуть не убивает французского офицера. Потом берет его в плен. Его называют героем, он не может понять за что. “Он думал, что я убью его. За что же мне убивать его? У меня рука дрогнула. А мне дали Георгиевский крест. Ничего не понимаю!” Но пока Николай передумывал все это, его выдвинули вперед и дали ему батальон гусаров.

Узнав о болезни Наташи, сама еще не совсем здоровая графиня с Петей и со всеми вещами перебралась в Москву, и Ростовы поселились в своем собственном доме. Наташа так серьезно была больна, что никто даже и не думал о причине этой болезни, о ее разрыве с женихом и степени ее вины. Думали лишь о том, как ей помочь. Наташа худела, кашляла и не оживлялась. Нужно было постоянное медицинское наблюдение, а потому летом 1812 года Ростовы не уехали в деревню. Но горе со временем стало слабеть. Наташа стала спокойнее, хотя и не веселее. Пьеру она рада. Наташа становится религиозна, ходит в церковь, причащается. В начале июня в Москве распространяются все более и более тревожные слухи о ходе войны; говорили о воззвании государя к народу, о приезде самого государя из армии в Москву. Пьер обещал приехать к Ростовым в воскресенье и привезти манифест. Ростовы в тот день, по обыкновению, поехали к обеду в домовую церковь Разумовских. И вдруг в церкви Наташа услышала шепот: “Это Ростова, та самая...” Ей слышались имена Кура-гина и Болконского. Наташа просит Господа научить ее, как ей быть с ее жизнью. Она молится за брата и за Денисова, за князя Андрея и отца, мать, Соню, за Анатоля.

Пьер полностью погружен в свою любовь к Наташе. Он все так же продолжал ездить в общество, так же много пил и вел праздную жизнь, потому что, кроме тех часов, которые он проводил у Ростовых, надо было проводить как-то и остальные. Но в последнее время, когда Наташа стала поправляться, им стало овладевать непонятное беспокойство. Он чувствовал, что положение, в котором он находится, не может длиться долго, что наступает катастрофа, которая должна изменить его жизнь, и с нетерпением отыскивал во всем признаки этой приближающейся катастрофы. Он обращается к Апокалипсису. Получалось, что Наполеон есть тот зверь, о котором там предсказано, и что предел власти Наполеона наступил в 1812 году. Это предсказание поразило Пьера, и он часто спрашивает себя, что же именно положит предел власти зверя, и пытается на основании тех же изображений слов цифрами и вычислениями найти ответ. Его открытие таково: равное 666-ти”. Любовь к Ростовой, антихрист, нашествие Наполеона, комета, 666, Гетрегеиг Napoleon и ГКиззе Везио! — все это вместе должно было вывести его из того заколдованного,

ничтожного мира московских привычек и привести к великому подвигу и великому счастью.

Пьер обещал Ростовым привезти к ним от графа Растопчина и воззвание к России, и последние известия из армии. Заехав утром к Растопчину, Пьер застал там курьера из армии, своего знакомого. Тот попросил его помочь с разноской писем к родителям. Среди них было письмо от Николая Ростова к отцу. Просмотрев приказы по армии, Пьер нашел в одном из них среди известий о раненых, убитых и награжденных имя Николая Ростова, награжденного Георгием 4-й степени, и там же — назначение князя Андрея Болконского командиром егерского полка. Разговор с графом Растопчиным, его озабоченность, встреча с курьером, рассказавшим, как дурно идут дела в армии, слухи, ходившие по Москве о шпионах, о бумаге, где говорилось, что Наполеон до осени будет в обеих' русских столицах, разговор о приезде назавтра государя — все это лишь усиливало волнение и возбуждение Пьера, владевшее им со времени появления кометы.

Придя назавтра к Ростовым, Пьер услышал наконец пение Наташи. Она была рада за Николая. Брат Наташи Петя, которому было уже пятнадцать лет, готовился в университет, но тайно решил пойти в гусары. Отец и мать отказывают ему наотрез. На другой день в Москву приезжает государь. Вернувшись вечером домой, Петя объявил, что если его не пустят, то он убежит. 15-го числа утром открылось дворянское собрание. Был прочитан вызвавший восторг манифест государя. Пьер пытается понять, кто что говорит, он хотел бы пожертвовать денег на ополчение, но его не слушают. Входит граф Растопчин. Сейчас появится государь. Началась запись пожертвований москвичей, составляется народное ополчение. Атмосфера была самая восторженная, так что старик Ростов, вернувшись домой, согласился на просьбу Пети и сам поехал записывать его.

ЧАСТЬ

II

Мнение Л. Н. Толстого. Мелкие причины, настроения и побуждения действующих лиц приводят в результате к следующему: “причиной гибели французских войск Наполеона было, с одной стороны, вступление их в позднее время без приготовления к зимнему походу в глубь России, а с другой стороны, характер, который приняла война от сожжения русских городов и возбуждения ненависти к врагу в русском народе”. Но самое интересное не это: “все усилия со стороны русских были постоянно устремляемы на то, чтобы помешать тому, что одно могло спасти Россию, и со стороны французов, несмотря на опытность и так называемый военный гений Наполеона, были устремлены все усилия к тому, чтобы растянуться в конце лета до Москвы, то есть сделать то самое, что должно было погубить их”. Все позднейшие рассуждения и оправдания неверны. Факты говорят очевидно, что ни Наполеон не предвидел опасности в движении на Москву, ни Александр и русские военачальники не думали тогда о заманивании Наполеона, а думали о противном. Наполеон был завлечен

в

глубь

России не по чьему-то плану. Это произошло от сложнейшей игры интриг, целей, желаний людей — участников войны, не угадывавших того, что должно быть, и того, что было единственным спасением России. Все происходит нечаянно. На другой день после отъезда сына князь Николай Андреич накинулся с руганью и

обвинениями на княжну Марью, считая, что это она рассорила его с сыном. Как ни удивительно, старик отдалился и от мадемуазель Бурь-ен. Потом занялся вновь постройками и садами. Княжна Марья проводила время с Никулушкой, после обеда беседовала со старухой няней и божьими людьми. Войной она не интересовалась, хотя боялась, конечно, за брата. Первого августа пришло письмо от князя Андрея. Он просит прощения у отца. Отец ответил ему ласковым письмом. Во втором своем письме, написанном из-под Витебска, князь Андрей советовал отцу ехать в Москву ввиду близости линии фронта. Марья удивлена, что война уже так близко. Старый князь отправляет своего управляющего к смоленскому губернатору узнать, как обстоят дела.

А между тем народ уже уходит из Смоленска. Старому князю советуют ехать в Москву. На смоленских улицах уже рвутся гранаты. Управляющий находит князя Андрея, и тот пишет отцу письмо на вырванном из записной книжки листке: “Смоленск сдают. Лысые Горы будут заняты неприятелем через неделю. Уезжайте сейчас в Москву. Отвечай мне тотчас, когда вы выедете, прислав нарочного в Усвяж”.

От Смоленска войска продолжали отступать. Пожар Смоленска и оставление его были эпохой для князя Андрея. Новое чувство озлобления против врага заставляло его забывать свое горе. Он был весь предан делам своего полка. Все представлялось князю Андрею в темном, мрачном свете — особенно после того, как оставили Смоленск в августе, и после того, как отец, больной, должен был бежать в Москву и бросить на расхищение столь любимые, обстроенные им населенные Лысые Горы. Было одно светлое пятно — его полк. По пути отступления он заезжает в Лысые Горы. Там запустение и растерянность. Князь Андрей советует мужикам брать все и уходить в Рязанскую или в Подмосковную область.

Багратион пишет Аракчееву, что командовать надо одному, а не двум. “Ваш министр, может, хороший по министерству; но генерал не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего Отечества...”

Война ничего не меняет в салонах Анны Павловны и Элен Безуховой. Здесь с сожалением смотрели на разрыв с Францией, который, по мнению людей, собиравшихся в салоне Элен, должен был кончиться миром. Вообще все дело войны представлялось в салоне Элен пустыми демонстрациями. У Анны Павловны точно так же с недоумением говорили об успехах Бонапарта и видели как в его успехах, так и в потакании ему европейских государей злостный заговор, имеющий единственной целью неприятность и беспокойство того придворного кружка, которого представительницей была Анна Павловна.

В салоне Анны Павловны кто-то, осуждая Барклая де Толли, осторожно позволил себе выразить предположение о том, что Кутузов был бы тот человек, который удовлетворил бы всем требованиям. Князь Василий заявил, что он это говорил уже давно. Вскоре Кутузову было пожаловано княжеское достоинство, что могло означать и то, что от него хотят отделаться. Однако 8 августа Кутузова назначают полномочным главнокомандующим армий и всего края, занимаемого войсками. Князь Василий чувствует себя победителем и недоволен, когда кто-то напоминает ему прежние его слова: “Хорош будет генерал слепой! Он ничего не видит”. Французы между тем подходили все ближе к Москве. Наполеон искал сражения, но

по бесчисленному столкновению обстоятельств русские не могли его принять до самого Бородина. Денщик Денисова Лаврушка попадает в плен к французам. Наполеон сам желает поговорить с ним. Историк Тьер считает, что из-за простоты обращения Наполеона казак не догадался, с кем он говорит. На самом деле денщик, человек грубый, наглый, выдавший всякие виды и хитрый, конечно же, сразу узнал Наполеона и решил подыграть, на всякий случай притворившись изумленным, когда ему открыли имя его собеседника. Наполеон отпускает его. Старый князь Болконский, после возвращения Алпатыча из Смоленска, велел собрать из деревень ополченцев, сообщил главнокомандующему о своем намерении защищать Лысые Горы до последней крайности и объявил домашним, что остается здесь. Княжну Марью с Николашей он распорядился отправить в Богучарово и оттуда в Москву. Марья в первый раз в жизни позволила себе ему не повиноваться. Она отказалась ехать. Тот сказал, чтобы она не попадалась ему на глаза, из чего княжна Марья заключила, что втайне отец рад, что она не уехала. На следующий день после отъезда Нико-лушки старый князь собрался ехать к главнокомандующему. Но его разбивает удар. Наутро князя увозят в Богучарово. Князь лежал в параличе, надежды на исцеление не было. Везти его было нельзя. В Богучарове же было опасно — подходили французы. Княжна решила ехать. Утром княжна идет к отцу. Он говорит с трудом, княжна Марья пытается понять его слова: “Душа, душа болит... — догадывается она. — Все мысли об тебе...” Старик стал говорить внятнее. “Спасибо тебе... дочь, дружок... за все, за все... прости... спасибо... прости... спасибо!.. Погибла Россия! Погубили!” Князь Николай Андреевич Болконский скончался. Богучаровские крестьяне и прежде были известны своей непокорностью. Сейчас меж них ходили какие-то французские бумаги. Отправить обоз из Богучарова не было никакой возможности. Тогда Алпатыч велел сложить свои собственные вещи с подвод, которые он привел из Лысых Гор, и приготовить этих лошадей под кареты княжны, а сам поехал к начальству. Княжна Марья мирится с мадемуазель Бурьен. Та советует ей не уезжать и показывает французскую листовку. Марья тут же исполняется решимости немедленно ехать, не позорить своего покойного отца. Из Богучарова она уезжает с великим трудом — тамошние мужики настроены враждебно и ждут французов. Семнадцатого августа Ростов, Ильин, Лаврушка и вестовой гусар, имевшие стоянкой Янково, в пятнадцати верстах от Богучарова, решили попробовать только что купленную лошадь и заодно посмотреть, нет ли в деревнях сена. Ростов как заботливый эскадронный командир желал воспользоваться до французов оставшимся в Богучарове провиантом. Ростов не знал, что это имение Болконского, бывшего жениха ее сестры. У амбара они наткнулись на толпу пьяных мужиков. К ним подходит Алпатыч и приглашает их к дочери недавно скончавшегося князя Николая Андреевича Болконского. Алпатыч сообщает, что мужики не желают выпустить

госпожу

из

имения и угрожают отпрячь лошадей. Княжна Марья сидела, потерянная и бессильная, в зале, когда вошел Ростов. При взгляде на княжну ему сразу представилось что-то романтическое. “И какая кротость, благородство в ее чертах и в выражении!”

Через два часа подводы стояли на дворе богучаровского дома. Мужики оживленно выносили и укладывали господские вещи, и Дрон распоряжался мужиками. Ростов, не желая навязывать свое знакомство княжне, не пошел к ней, а остался в деревне, ожидая ее выезда. Потом сел верхом и до пути, занятого нашими казаками, верхом провожал ее. В Янкове, на постоялом дворе, он простился с нею почтительно и в первый раз позволил себе поцеловать ее руку. Княжна, если не благодарила более словами, благодарила его всем выражением своего сиявшего благодарностью и нежностью лица. Когда она простилась с ним и осталась одна, то вдруг почувствовала в глазах слезы, и тут уж не в первый раз ей представился странный вопрос, любит ли она его? Впечатление, произведенное на Ростова княжной Марьей, было очень приятное. Когда он вспоминал про нее, ему становилось весело. Но Соня? И данное слово?

Приняв командование армиями, Кутузов вспомнил о князе Андрее и призвал его к себе. Тут он замечает черноватого, обросшего усами и бакенбардами, маленького гусарского подполковника, подъехавшего к воротам. Это Денисов. Они знакомятся. У Денисова план партизанских действий в тылу у французов. Он уже представлял его Барклаю де Толли, а теперь намерен представить Кутузову. Кутузов зовет князя Андрея в штаб, но тот сказал, что привык в полку, и люди к нему привязались. Кутузов жалеет о таком решении князя Андрея, но говорит одобрительно: “Советчиков всегда много, а людей нет”. Кутузов прощается с Андреем: “...помни, что я всей душой несу с тобой твою потерю и что я тебе не светлейший, не князь и не главнокомандующий, а я тебе отец. Ежели что нужно, прямо ко мне”. После этого свидания с Кутузовым князь Андрей вернулся к своему полку успокоенный насчет общего хода дела и насчет того, кому оно было вверено. Чем больше он видел отсутствие всего личного в этом старике, в котором оставались как будто одни привычки страстей и вместо ума (группирующего события и делающего выводы) одна способность спокойного созерцания хода событий, тем более он был спокоен за то, что все будет так, как должно быть. “У него не будет ничего своего. Он ничего не придумает, ничего не предпримет, — думал князь Андрей, — но он все выслушает, все запомнит, все поставит на свое место, ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит. Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, — это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение и, ввиду этого значения, умеет отречься от участия в этих событиях, от своей личной воли, направленной на другое. А главное... это то, что он русский”. Неприятель приближается к Москве, но взгляд москвичей на свое положение не только не делался серьезнее, но, напротив, еще легкомысленнее, как это всегда бывает с людьми, которые видят приближающуюся большую опасность. Кругом читают растопчинские афишки, как Карпушка подтрунивает над французами, что их троих одна баба вилами закинет. Говорят исключительно по-русски. Ходят всевозможные слухи. Между тем потихоньку уезжают. Готовится к отъезду НСюли Карагина. Разговор заходит о Ростовых. Пьер сообщает о Пете, который поступил в казаки Оболенского и поехал в Белую Церковь. Графиня не соглашается уехать, пока не приедет сын. Вчера в Москву приехала Мари Болконская. Пьер очень хотел бы ее увидеть.

Растопчин в своих афишках божится, что француза в Москве не будет. Но тон афиш

уже не так шутлив. Пьер размышляет: поступить ли ему на военную службу или дожидаться. Он остается в опустевшей Москве, все в той же тревоге, нерешимости, в страхе и вместе в радости ожидания чего-то ужасного. Чтобы развлечься, Пьер едет в село Воронцово посмотреть большой воздушный шар, который строился Лаппихом для гибели врага, и пробный шар, который должен был быть пущен завтра. Это делалось якобы по желанию государя. На обратном пути, проезжая по Болотной площади, увидел толпу людей у Лобного места. Собирались бить кнутом якобы за шпионство французского повара. Вторая жертва дрожала рядом. При виде этой жуткой сцены Пьер решил, что не может долее оставаться в Москве. Наутро он уезжает. В пути он узнает, что 24-го числа было большое сражение при Шевардине. На рассвете Пьер подъехал к Можайску. Там все было забито войсками. 26-го произошло Бородинское сражение. Ни для французов, ни для русских Бородинское сражение “не имело ни малейшего смысла”. До Бородинского сражения наши силы приблизительно относились к французским как пять к шести, а после — как один к двум. А вместе с тем умный и опытный Кутузов принял сражение. Наполеон же, гениальный полководец, как его называют, дал сражение, теряя четверть армии и еще более растягивая свою линию. Оба — и Кутузов, и Наполеон, по мысли Толстого, поступили произвольно и бессмысленно. Это только потом историки найдут в этом смысл. Якобы русская армия искала наилучшую позицию и нашла ее у Бородина. На самом деле, русские не отыскивали лучшей позиции, а, напротив, в отступлении своем прошли много позиций, которые были лучше Бородинской. “Итак, Бородинское сражение произошло совсем не так, как (стараясь скрыть ошибки наших военачальников и вследствие этого умаляя славу русского войска и народа) описывают его”. Выезжая из Можайска, Пьер видит раненых. Далее он встречает знакомого доктора. Пьеру хочется увидеть “позицию”. Он всходит на курган, с которого, как сказал доктор, было видно поле сражения. Он обращается к одному из офицеров. Тот показывает ему Бородино, расположение наших и неподалёку — французов. Проносится слух, что несут икону Иверской Божьей Матери — Смоленскую: она вывезена из Смоленска. К иконе подошел Кутузов. “Он перекрестился привычным жестом, достал рукой до земли и, тяжело вздохнув, опустил свою седую голову... Когда кончился молебен, Кутузов подошел к иконе, тяжело опустился на колена, кланяясь в землю, и долго пытался и не мог встать от тяжести и слабости”. В толпе Пьера окликнул Борис Друбецкой, который, когда Кутузов выгонял всех лишних из штаба, пристроился к графу Еенигсену, противнику Кутузова. Он обещает отвезти Пьера в полк Болконского. Кутузов, сидевший неподалеку в тени дома на лавке, заметил Пьера и велел позвать его. Но прежде к Кутузову успел подойти Долохов. Пьер предлагает Кутузову свои услуги, к чему тот относится с иронией и упоминает его жену. Долохов просит прощения у Пьера за недоразумения, которые были между ними.

Продолжая путь в свите Бенигсена, Пьер проезжает мимо высокого кургана, на котором копали землю ополченцы. Это был редут, впоследствии получивший название редута Раевского, или курганной батареи. Пьер не обратил на него внимания — он не знал, что это место будет памянее для него всех мест

Бородинского

поля.

Князь Андрей лежит в разломанном сарае, смотрит на ряд берез с обрубленными сучьями, чувствует себя взволнованным и раздраженным. Приказания на завтрашнее сражение уже отданы и получены им. Делать ему было больше нечего. Но мысли — самые простые, ясные и потому страшные — не давали ему покоя. Завтра должно быть жестокое сражение, а потому мысль о смерти представилась ему очень ясно. С высоты этого представления все его прежние мучения и проблемы побледнели, жизнь стала похожа на волшебный фонарь, в который он долго глядел при искусственном освещении, — а теперь увидел вдруг при свете дня, что это дурно намалеванные картины. Слава, общественное благо, любовь к женщине — как все это казалось важно! “И все это так просто, бледно и грубо при холодном белом свете того утра, которое, я чувствую, поднимается для меня”. Человек старается, делает, строит — и все разваливается, как Лысые Горы и жизнь отца. Княжна Марья говорит, что это испытание, посланное свыше. Для чего испытание, когда его уже нет и не будет? Никогда больше не будет! Его нет! Так кому же это испытание? Отечество, гибель Москвы! А завтра меня убьют — и придут французы, возьмут меня за ноги и за голову и швырнут в яму, чтобы я не вонял им под носом... Таковы мрачные размышления князя Андрея. Итог размышлений: “Умереть, чтобы меня убили завтра, чтобы меня не было... чтобы все это было, а меня бы не было”. От размышлений его отрывает Пьер, которому он в эту минуту совсем не рад. Подходят еще несколько офицеров. Разговор о войне, полководцах и тому подобное. Князь Андрей заявляет с усмешкой, что не знает, что значит искусный полководец. Пьер пытается объяснить: “... ну, тот, который предвидел все случайности... ну, угадал мысли противника”. По мнению Андрея, это совершенно невозможно. Он убежден, что успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа, а уж меньше всего от позиции. “А от чего же?” — спрашивает Пьер. “От того чувства, которое есть во мне, в нем, — он <князь Андрей> указал на Тимохина, — в каждом солдате... Сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть. Отчего мы под Аустерлицем проиграли сражение?... Мы сказали себе очень рано, что мы проиграли сражение, — и проиграли. А сказали мы это потому, что нам там незачем было драться... И хочешь, я тебе скажу, что, что бы там ни было, что бы ни путали там наверху, мы выиграем сражение завтра”. Андрей говорит Пьеру, что если бы он имел власть, то не брал бы пленных. Что такое пленные? Это рыцарство. Французы разорили мой дом и идут разорить Москву, и оскорбили и оскорбляют меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники все, по моим понятиям. И так же думает Тимохин и вся армия. Надо их казнить. Пьер согласен с Андреем. ““Не брать пленных, а убивать и идти на смерть...” Князь Андрей, думавший, что ему все равно, возьмут ли или не возьмут Москву так, как взяли Смоленск, внезапно остановился в своей речи от неожиданной судороги, схватившей его за горло...” “Ежели бы не было великодушничанья на войне, то мы шли бы только тогда, когда стоит того идти на верную смерть, как теперь. Тогда не было бы войны за то, что Павел Иваныч обидел Михаила Иваныча... А то война — это любимая забава праздных и легкомысленных людей. А что такое война?... Цель войны — убийство, орудия войны — шпионство, измена и поощрение ее,

разорение жителей, ограбление их или воровство для продовольствия армии; обман и ложь, называемые военными хитростями; нравы военного сословия — отсутствие свободы, то есть дисциплина, праздность, невежество, жестокость, разврат, пьянство... Ах, душа моя, последнее время мне стало тяжело жить. Я вижу, что стал понимать слишком много. А не годится человеку вкушать от древа познания добра и зла... Ну, да не надолго!” Они расстаются. Князь Андрей подошел к Пьеру, обнял его и поцеловал. “Я знаю, что это наше последнее свидание”, — говорит себе Пьер, уходя.

25 августа, накануне Бородинского сражения, свита ожидает, пока император Наполеон выйдет из своей спальни. Тот оканчивал свой туалет. “Он, пофыркивая и побряхтывая, поворачивался то толстой спиной, то обросшей жирной грудью под щетку, которою камердинер растирал его тело. Другой камердинер, придерживая пальцем склянку, брызгал одеколоном на выхоленное тело императора...” Наполеону преподносят картину — подарок императрицы. Тот делает вид, что его не замечает, чтобы тем, кто привез картину, было неприятно. Далее следуют обычные льстивые речи придворных и высокомерные ответы и улыбки Наполеона. Наконец император “заметил” картину — это портрет мальчика, рожденного от Наполеона и дочери австрийского императора, которого почему-то все называли королем Рима. Наполеон смотрит на портрет с сознанием того, что все, что он скажет и сделает — есть история. Он приказывает выставить портрет перед палаткой, чтобы старая гвардия тоже имела счастье его лицезреть. После завтрака Наполеон продиктовал свой приказ по армии. Весь этот день он, как говорят его историки, провел на коне, осматривая местность, обсуждая планы, представляемые ему его маршалами, и отдавая лично приказания своим генералам. Осмотрев местность против Шевардинского редута, Наполеон отдал несколько приказаний и вернулся в свою ставку, где и написал диспозицию сражения. Она заключала в себе четыре пункта — четыре распоряжения. Ни одно из этих распоряжений не могло быть и не было исполнено. Толстой подробно разбирает географические и другие факторы, делающие это просто невозможным, высмеивает историков, по мнению которых французы не выиграли Бородинское сражение по причине того, что у Наполеона был насморк. “Как ни странно кажется с первого взгляда предположение... что Бородинское побоище восьмидесяти тысяч человек произошло не по воле Наполеона (несмотря на то, что он отдавал приказания о начале и ходе сражения), а что ему казалось только, что он это велел, — как ни странно кажется это предположение, но человеческое достоинство, говорящее мне, что всякий из нас ежели не больше, то никак не меньше человек, чем великий Наполеон, велит допустить это решение вопроса... В Бородинском сражении Наполеон ни в кого не стрелял и никого не убил. Все это делали солдаты. Стало быть, не он убивал людей. Солдаты французской армии шли убивать русских солдат в Бородинском сражении не вследствие приказания Наполеона, но по собственному желанию”. Они все жаждали захватить и разграбить Москву. “Ежели бы Наполеон запретил им теперь драться с русскими, они бы его убили и пошли бы драться с русскими, потому что это было им необходимо... Стало быть, не вследствие приказания Нолеона они уби-

вали себе подобных. И не Наполеон распоряжался ходом сражения, потому что из

диспозиции его ничего не было исполнено и во время сражения он не знал про то, что происходило впереди его... И потому вопрос о том, был ли или не был у Наполеона насморк, не имеет для истории большого интереса, чем вопрос о насморке последнего фурашского солдата”.

После втретий своей поездки по линии Наполеон сказал: “Шахматы поставлены, игра начнется завтра”. Остаток вечера он проводит в питье и болтовне. Рано утром Наполеон верхом едет к деревне Шевардино. Сражение начинается — то, что он назвал “игрой”.

Начало Бородинского сражения Пьер проспал. Когда его наконец разбудили, уже шла пальба. Пьер направился к кургану, с которого смотрел вчера на поле боя. Там сейчас была толпа военных и виднелась седая голова Кутузова. Пьер замер от восхищения перед красотой зрелища. Вся местность была покрыта войсками и дымами выстрелов, и косые лучи яркого солнца... кидали на нее в чистом утреннем воздухе пронизывающий с золотым и розовым оттенком свет и темные длинные тени. Кутузов отправляет с поручением генерала, и Пьер идет следом за ним. Плохо сидевший в седле Пьер отстал от генерала и заехал в ряды пехоты. Потом подъехал к мосту, оказавшись в зоне боя. Неожиданно Пьер встречается со знакомым ему адъютантом Раевского. Тот сообщает, что у Багратиона сейчас жарко, а у них на батарее пока сносно. И тут Пьер в первый раз увидел раненых, бредущих пешком и несомых на носилках. Ранена и лошадь Пьера. Он отправляется обратно на курган. Как Пьер узнал позже, этому адъютанту в тот же день оторвало руку. Пьер поднялся на курган, который был тем знаменитым местом, известным под именем курганной батареи, или батареи Раевского, вокруг которого положены десятки тысяч людей и которое французы считали важнейшим пунктом позиции. Пьеру кажется, напротив, что это самое незначительное место в сражении. Взойдя на курган, он сел на край канавы, окружавшей батарею, и с бессознательно-радостной улыбкой принялся оглядываться вокруг. Изредка он вставал и прохаживался по батарее, стараясь не мешать солдатам, заряжавшим и накачивавшим орудия. Пушки батареи стреляли одна за другой. Батарейные недовольны появлением странной фигуры в белой шляпе. Пьера попросили уйти с дороги. Но увидев смелость этого человека, который прохаживался под выстрелами так же спокойно, как по бульвару, антипатия сменилась ласковым и шутливым участием. Солдаты сейчас же мысленно приняли Пьера в свою семью и дали ему прозвище “наш барин”. Одно ядро падает в двух шагах от Пьера, обсыпав ему брюки землей. Солдаты удивляются, как это он не боится. “А ты разве боишься?” — спросил Пьер. “А то как же? — отвечал солдат. — Ведь она не помилует. Она шмякнет, так кишки вон. Нельзя не бояться!”. “Вот так барин!” — удивляются солдаты. Огонь усиливается. К десяти часам утра с батареи унесли уже человек двадцать; два орудия были разбиты. Все чаще на батарею падали снаряды и попадали пули. Но люди как будто этого не замечали; со всех сторон слышался веселый говор и шутки. Пьер наблюдает за лицами солдат. Он чувствовал, что огонь, горевший в душах их, все больше разгорался и в его душе. Пехотные солдаты, прикрывавшие батарею спереди, отошли. На батарею стали еще чаще падать снаряды. Солдаты двигались все живее и хлопотливее. Несколько мертвых лежали неубранные. На Пьера уже не обращали внимания. Осталось только восемь зарядов. Было приказано стрелять картечью. Старший офицер, отдавший

этот приказ, в то же мгновение падает убитый. “Все сделалось странно, неясно и пасмурно в глазах Пьера”. Нужны снаряды. Пьер вызывается идти. При спуске с кургана в ящик для снарядов, рядом с которым был Пьер, попадает ядро. Пьер, не помня себя от страха, побежал обратно на батарею, словно ища убежища от всех окружавших его ужасов. Там он видит каких-то людей, которые что-то там делали. Он не успел ничего понять, когда увидел убитого старшего полковника и солдата, с криком пытавшегося вырваться из рук неизвестных людей. Его тут же закололи штыком в спину. На бегу Пьер наскочил на французского офицера и схватил его за горло. Тот, выпустив шпагу, хватает Пьера за шиворот. Но Пьер был сильнее. В это мгновение над самыми их головами просвистело ядро, и они разбежались в разные стороны. Пьер побежал под гору, спотыкаясь на убитых и раненых. Но тут же наталкивается на плотную толпу бегущих вверх, на батарею русских солдат. Французы бегут. Поднявшись на курган, Пьер не нашел там никого из тех, кто так приветливо принял его. Некоторых убитых он узнал. Пьер побежал вниз. “Нет, теперь они оставят это, теперь они ужаснутся того, что они сделали!” — думает Пьер, двигаясь за вереницами носилок с поля сражения. Наполеон наблюдал за сражением с Шевардинского редута. Оттуда до Бородина было более чем две версты по прямой линии, так что он мало что мог видеть. Солнце било косыми лучами в лицо Наполеона, и в маленький круг трубы он видел дым и людей, иногда своих, иногда русских. Он сошел с кургана и стал взад и вперед ходить перед ним. К нему беспрестанно прискакивали его посланные адъютанты и ординарцы его маршалов с докладами о ходе дела; но все эти доклады были ложны: и потому что в жару сражения невозможно сказать, что происходит в данную минуту, и потому, что многие адъютанты не доезжали до настоящего места сражения, а передавали то, что они слышали от других, и еще потому, что пока проезжал адъютант те две-три версты, которые отделяли “го от Наполеона, обстоятельства изменялись и известие, которое он вез, уже становилось неверно. Мюрат просит подкреплений — тогда русские будут разбиты. Просит подкреплений Бельяр — тогда русским конец. Присылает за подкреплениями герцог. Наполеон раздумывает, какие из резервов послать в бой. Он испытывает тяжелое чувство. Войска те же, генералы те же, те же были приготовления, та же диспозиция, та же прокламация — короткая и энергическая, он сам тот же, даже гораздо опытнее и искуснее, чем прежде, даже враг тот же; но страшный размах руки падал волшебным бессильно. Все приемы, которые прежде давали успех, использованы, а победы нет, все просят подкреплений. Один из генералов предлагает Наполеону ввести в дело старую гвардию. Он не пожелал, чтобы его гвардия была разгромлена за три тысячи двести верст от Франции. Кутузов сидел понурившись на той самой лавке, на которой утром его видел Пьер. Он не делал никаких распоряжений, а только соглашался или не соглашался с тем, что предлагали ему. Когда ему сообщили о ранении Багратиона, он ахнул и послал адъютанта узнать, в каком состоянии дела. Кутузов был в Горках, в центре позиции русского войска. В третьем часу атаки французов прекратились. Кутузов был доволен успехом сверх ожидания.

дания. Но физические силы оставляли старика. Барклай де Толли, бывший на левом фланге и видевший там толпы отбегающих раненых и расстроенные зады армии,

прислал главнокомандующему известие о поражении. Кутузов жевал курицу и сузившимися, повеселевшими глазами взглянул на адъютанта Вольцогена. В обращении этого немца сквозила некоторая небрежность по отношению с Кутузову — мол, он как высокообразованный военный позволяет русским делать кумира из этого старого, бесполезного человека, а сам знает, с кем он имеет дело. Кутузов резко опровергает сообщение адъютанта. “Неприятель побежден, и завтра погоним его из священной земли русской, — сказал Кутузов, крестясь... — Да, вот он, мой герой, — сказал Кутузов к полному красивому черноволосому генералу, который в это время входил на курган. Это был Раевский, прошедший весь день на главном пункте Бородинского поля”. Кутузов приказывает завтра атаковать. Полк князя Андрея стоял в резерве под сильным огнем артиллерии и потерял уже более двухсот человек. Затем его двинули вперед, на истоптанное овсяное поле, место, где была убита еще треть его состава. И все это не сходя с места и не выпустив ни одного заряда. Люди по приказанию начальства сидели на земле, занимаясь кто чем и не пропуская без внимания ни единого сколь-нибудь мало значительного события. Князь Андрей ходил взад и вперед по лугу, опустив голову. Делать и приказывать ему нечего было. Все делалось само собой. Убитых оттащивали. Раненых относили, ряды смыкались. Ядра, одно за другим, пролетают рядом. “Берегись!” — послышался испуганный крик солдата... и в двух шагах от князя Андрея шлепнулась граната. “Ложись!” — крикнул адъютант, прикинувшись к земле. Князь Андрей стоит в нерешительности. Граната, дымясь, вертится волчком. “Неужели это смерть? — думал князь Андрей, совершенно новым, завистливым взглядом глядя на траву, на полынь и на струйку дыма, вьющуюся от вертящегося черного мячика. — Я не могу, я не хочу умирать, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздух...” Он думал об этом и вместе с тем помнил, что на него смотрят. “Стыдно, господин офицер! — сказал он адъютанту. — Какой...” — Он не договорил. В одно и то же время послышались взрыв, свист осколков как бы разбитой рамы, душный запах пороха — и князь Андрей рванулся в сторону и, подняв кверху руку, упал на грудь. Он был тяжело ранен в живот. Ополченцы относят князя Андрея на перевязочный пункт. Его кладут на операционный стол. В палатке было три стола. На ближнем сидел татарин, четверо солдат держали его. Доктор что-то резал в его коричневой, мускулистой спине. На другом столе, около которого толпилось много народа, на спине лежал большой, полный человек с закинутой назад головой (вьющиеся волосы, их цвет и форма головы показались странно знакомы князю Андрею). Несколько фельдшеров навалились на грудь этому человеку и держали его... Два доктора молча что-то делали с красной ногой этого человека. Ему отрезали ногу, он рыдает, стонет и просит показать ее. Это был Анатолий Курагин. Князю Андрею стало жалко его. “Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам — да, та любовь, которую проповедовал Бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал... вот оно то, что еще оставалось мне, ежели бы я был жив. Но теперь уже поздно. Я знаю это!” Наполеон обыкновенно любил рассматривать убитых и раненых. На этот раз страшный вид поля сражения, тяжесть в голове да еще известие о гибели или ранении двадцати знакомых генералов произвели на него гнетущее впечатление. Но

он встряхивается и принимается командовать снова. И без его приказанья делалось то, чего он хотел. И он опять перенесся в свой прежний искусственный мир призраков какого-то величия, и опять он покорно стал исполнять ту жестокую, печальную и тяжелую, нечеловеческую роль, которая ему была предназначена. И не на один только этот час были помрачены ум и совесть этого человека... но и никогда, до конца жизни, не мог понимать он ни добра, ни красоты, ни истины, ни значения своих поступков, которые были слишком противоположны добру и правде, слишком далеки от всего человеческого, для того чтобы он мог понимать их значение... Вот что он писал на острове Св. Елены о Бородинском поле: “Поле сражения было великолепно”.

Сражение затихало. Тот, кто посмотрел бы на расстроенные зады русской армии, сказал бы, что французам стоит сделать еще одно маленькое усилие, и русская армия исчезнет; и тот, кто посмотрел бы на зады французов, сказал бы, что русским стоит сделать еще одно маленькое усилие, и французы погибнут. Но ни те, ни другие этого не делали. Русские не атаковали французов. Как в начале сражения они загораживали дорогу на Москву, так же они загораживали ее и сейчас. И пока так было, цель французов не была достигнута и все их усилия и потери пропали даром. Но французы тоже не атаковали. Не один Наполеон испытывал чувство ужаса перед врагом, который, потеряв половину войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения. Русскими была одержана под Бородиным нравственная победа.

ЧАСТЬ

III

Рассуждения Толстого об истории: “Движение человечества, вытекая из бесчисленного количества людских произволов, совершается непрерывно. Постигание законов этого движения есть цель истории. Но для того, чтобы постигнуть законы непрерывного движения суммы всех произволов людей, ум человеческий допускает произвольные, прерывные единицы. Берут некий непрерывный ряд событий и рассматривают его отдельно от другого. Или рассматривают действие одного человека, царя, полководца, как сумму действий людей, хотя на самом деле эта сумма никогда не выражается в деятельности одного исторического лица...” Мы думаем, этого достаточно, чтобы подойти к выводу Толстого, что “всякий вывод истории, без малейшего усилия со стороны критики, распадается, как прах...”

Русские отступают от Бородина на сто двадцать верст — за Москву, французы доходят до Москвы и там останавливаются. После это пять недель нет никакого движения. Вечером 26 августа и Кутузов, и вся русская армия были уверены, что Бородинское сражение выиграно. Кутузов так и писал государю. Он приказал готовиться к новому бою. Но вот начали приходиться известия о неслыханных потерях. Новое сражение было физически невозможно. Кутузов хотел атаковать — этого хотела вся армия. Но чем? Русские стояли у Филей. Здесь собралась огромная толпа генералов и прочей военной публики. Всякий говорил свое. “Из всех разговоров этих Кутузов видел: защищать Москву не было никакой физической возможности в полном значении этих слов, то есть до такой степени не было воз-

можности, что ежели бы какой-нибудь безумный главнокомандующий отдал приказ о даче сражения, то произошла бы путаница и сражения все-таки бы не было”.

Бенигсен, особо выставляя свой русский патриотизм, настаивал на защите Москвы, ведь в случае неудачи мог свалить вину на Кутузова. Один страшный вопрос занимал Кутузова: “Неужели это я допустил до Москвы Наполеона?.. Когда это решилось? Москва должна быть оставлена. Войска должны отступить, и надо отдать это приказание”. Он решает прекратить слишком вольные разговоры вокруг себя и уезжает в избу мужика Андрея Савостьянова, где в два часа собрался совет. После прений Кутузов сказал: “Господа, я слышал ваши мнения. Некоторые будут несогласны со мной. Но я (он остановился) властью, врученной мне моим государем и отечеством, я — приказываю отступление”.

Событие это — оставление Москвы и сожжение ее — было так же неизбежно, как и отступление войск без боя за Москву после Бородинского сражения. Начиная от Смоленска, во всех городах и деревнях русской земли происходило то же самое, что произошло в Москве. Народ с беспечностью ждал неприятеля, не бунтовал, не волновался, а спокойно ждал своей судьбы, чувствуя в себе силы в самую трудную минуту найти то, что должно было сделать. И как только неприятель подходил, богатейшие элементы населения уходили; беднейшие оставались и зажигали и истребляли то, что оставалось. Жители покидали Москву, хотя Растопчин в своих афишках называл это позором. Они ехали потому, что для русских людей не могло быть вопроса: хорошо ли или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было жить: это было хуже всего. Ну, а у Элен были свои проблемы: в Вильне она сблизилась с одним молодым иностранным принцем, а в Петербурге, куда приехала, пользовалась особым покровительством вельможи, занимавшего одну из высших должностей в государстве. Приходилось лавировать, что она и делала с успехом. Элен переходит, чтобы выйти замуж за принца, в католичество. Того же — женитьбы — Элен требует и от пожилого воздыхателя. По Петербургу пошел слух, что несчастная Элен не может решить, за кого ей выйти замуж. О том же, хорошо ли или дурно выходить от живого мужа замуж, не говорили, потому что вопрос этот, очевидно, был уже решенный для людей поумней. Лишь Марья Дмитриевна Ахросимова открыто и резко осудила Элен на балу, высказав ей свое презрение. В начале августа Элен совершенно определилась и написала своему мужу (который ее очень любил, как она думала) письмо, в котором извещала его о своем намерении выйти замуж за NN и о том, что она вступила в единую истинную религию и просит его исполнить все те необходимые для развода формальности, о которых передает ему податель сего письма. Когда это письмо привезли в дом Пьера, он находился на Бородинском поле.

Сражение кончилось. Пьер, не осознавая четко, что он и где он, бродит, мечтая только об одном — вернуться к обычной жизни, лечь и попытаться понять все то, что он видел и испытал. Он засыпает на обочине дороги, где ночью его будят солдаты, расположившиеся поест. Они кормят Пьера и доводят его до Можайска. Там Пьер ложится в свою коляску, стоявшую у постоялого двора... и ему снится сон, полный буханья выстрелов, стонов, запахов крови и пороха. Он просыпается с чувством ужаса и страха смерти. Но кругом все тихо. Пьер вспоминает солдат, как тверды и спокойны они были в нечеловеческих условиях. Он хотел бы быть таким, как они. Утром его будят известием, что французы подвинулись под Можайск и что

наши уходят. Пьер уезжает. Русские войска уходят, оставляя за собой около десяти тысяч раненых. Дорогой Пьер узнает о смерти князя Андрея. По приезде в Москву адъютант Растопчина приглашает его к московскому генерал-губернатору. Тут идет спор насчет “афишек”... Растопчин советует Пьеру порвать с масонами. Пьер уходит. Домой он приехал, когда уже смеркалось. Он читает письмо жены. В голове у Пьера мелькают обрывочные мысли о князе Андрее, о солдатах, о жене... Утром он вышел через заднее крыльцо к воротам — и до конца московского разорения никто больше не видал Пьера и не знал, где он находится.

Ростовы оставались в Москве почти до самого вступления неприятеля в город. Графиня не находила себе места от беспокойства о находившихся в армии сыновьях, ночами они снились ей убитыми. Граф, чтобы успокоить как-то жену, перевел Петю из полка Оболенского в полк Безухова, который формировался под Москвой. Почти все знакомые Ростовых уже уехали, но графиня ждала Петю — он появился 28 августа. В семействе между тем ничто не было готово для отъезда, подводы пришли лишь 30-го числа.

Три последние дня августа вся Москва была в хлопотах и движении. Каждый день развозили по городу тысячи раненых в Бородинском сражении, и тысячи подвод с жителями покидали Москву. Город был полон слухов, которые и собирал, разъезжая по городу, граф Илья Андреич. Приготовлениями к отъезду занимается по сути дела одна Соня. Она грустна — предчувствует, что Николай женится на княжне Марье. Вообще же в доме царит атмосфера ничем не оправданного веселья.

31 августа все в доме Ростовых было перевернуто вверх дном. Кругом стояли сундуки, валялось сено, ходили туда-сюда мужики. Граф куда-то уехал. Графиня прилегла с головной болью. Петя ушел к товарищу. Соня следила за укладкой посуды. Наташа перебирала старые наряды. На улице остановился огромный поезд раненых. Наташа вышла на улицу. У телеги стоял молодой бледный офицер. Подошел начальник — толстый майор. Наташа спросила его, нельзя ли раненым остановиться у них в доме? Десятки телег с ранеными стали заворачивать к Ростовым. “Надо все-таки папаше доложить”, — говорит ключница. Но ведь они все равно собираются уезжать! После обеда все Ростовы с восторженной поспешностью принялись готовиться к отъезду. И все же до ночи не успели. В эту ночь ключница заворотила к Ростовым повозку с еще одним раненым — это был князь Андрей Волконский. Его поместили во флигеле.

Утром все было готово, тридцать подвод были увязаны. Граф был доволен. К нему подходит раненый офицер и просит, чтобы его и его денщика взяли с собой. Граф приказывает освободить две-три телеги для раненых. Графиня несмело возражает. Вмешивается Наташа. В этот момент появляется Берг, в своих аккуратных дрожечках на паре сытых саврасеньких. Он приехал в Москву кое-что купить по дешевке у отъезжающих и просит у Ростова грузчиков. Наташа возмущена — как это так! Они уезжают и бросают на произвол судьбы раненых! Графиня сдается. Люди с радостью и хлопотливостью принимаются за новое дело — выгружают вещи и размещают раненых в пустых подводах. После обеда все отправляются в путь.

Соня замечает коляску князя Андрея. Графиня решает ничего не говорить Наташе. По дороге Наташа замечает Пьера Безухова в кучерском кафтане. Тот откликается и

подходит. Он остается в Москве. Живет в доме покойного Баздеева, покупает пистолет.

Утром 2 сентября русская армия была уже на той стороне Москвы и за Москвою. В это же время Наполеон стоял на Поклонной горе и смотрел на открывавшееся перед ним зрелище. Он полон гордости и высокомерия. “Приведите бояр”, — требует он. Проходит два часа. Речь к боярам уже готова в голове Наполеона. О, он будет великодушен! Но обращаться с речью не к кому. Наполеон, почувствовав, что величественная минута, продолжаясь слишком долго, перестает быть таковой, подает знак рукой. По выстрелу сигнальной пушки войска двинулись в Москву. Наполеон слез с лошади у Дорогомиловской заставы и долго ходил там, ожидая депутации.

Москва между тем была пуста. Наполеона это поразило. Еще во время отхода русских войск в Москве кое-где были случаи грабежей и мародерства. И вот теперь в городе почти никого нет. Вечером 1 сентября, после своего свидания с Кутузовым, граф Растопчин, оскорбленный тем, что его не пригласили на военный совет, что Кутузов не обращал внимания на его предложение принять участие в защите столицы, вернулся в Москву, а вскоре ему привезли письмо от Кутузова. Тот просил выслать полицейских для прохода войск через город. Значит, войска уходят. Впоследствии граф Растопчин писал, что у него тогда были только две цели: сохранять спокойствие в Москве и выпроводить из нее жителей. Но почему должен был бунтовать народ? Человек пылкий, сангвинический, он в своем воображении составил для себя роль руководителя народного чувства — сердца России. Для того и писал ерническим языком свои афишки. Ему не хотелось покинуть Москву без героического эффекта. А люди все уезжали и уезжали. Всю ночь после письма Кутузова Растопчин метался и отдавал приказания — в Москве оставалось то, что было поручено именно ему, и это приводило его в крайнюю степень раздражения. Он выпускает сумасшедших из клиники, отпускает преступников и всю свою вину возлагает на одного несчастного политического, которого и отдает на растерзание толпе. Французские войска в Москве. Кое-где по ним стреляют. Входя в Москву, измученные люди еще могли называться войском, но, разойдясь по квартирам, они превратились в мародеров. Когда через пять недель те же самые люди вышли из Москвы, они уже не составляли более войска. Это была толпа мародеров, из которых каждый вез или нес с собой кучу вещей. Богатств была пропасть, и Москва все дальше и дальше всасывала французов в себя. “Причин пожара Москвы в том смысле, чтобы отнести пожар этот на ответственность одного или нескольких лиц, таких причин не было и не могло быть”. Просто она была поставлена в такие условия, при которых всякий деревянный город не может не сгореть. Пьер был близок к помешательству. Он ушел из своего дома, чтобы избавиться от путаницы своей тогдашней жизни, в квартире Баздеева он решил, что его книги и бумаги помогут ему что-нибудь понять, но в покое кабинета пред ним чередой стали представляться воспоминания Бородинского сражения и ощущение своей ничтожности в сравнении с правдой, простотой и силой тех людей, которых он называл они. Пьер решил, что примет участие в народной защите Москвы. Когда же он убедился, что Москву защищать не будут, он почувствовал, что должен убить

Наполеона. В дом Баздеева приходят французы. Пьер случайно выдает знание им французского языка. Ему приходится общаться с людьми, которые ему противны, но уйти не удается.

Обоз Ростовых стоял в Мытищах, откуда было видно, как горела Москва. Слышны были вздохи, слова молитвы и всхлипывания. Наташа словно ничего не замечала: Соня объявила Наташе о ранении князя Андрея и о том, что он здесь. После того как ей сказали, что рана тяжелая и видеть князя Андрея нельзя, Наташа замолкла и ни о чем больше не спрашивала. Ночью она бежит в избу, где лежал князь Андрей. Она боялась, каким она его увидит — как он изуродован, что осталось от него? Он был такой же, как всегда; но воспаленный цвет его лица, блестящие глаза, устремленные восторженно на нее, а в особенности нежная детская шея, выступавшая из отложного воротника рубашки, придавали ему особый, невинный, ребяческий вид, которого, однако, она не замечала в князе Андрее. Она подошла и стала на колени. Андрей улыбнулся и протянул ей руку.

Прошло семь дней со дня ранения князя. Он то и дело впадал в беспамятство. В один из моментов ясности сознания он вспоминает о новом счастье, как-то связанном с Евангелием. Книгу приносят, но он снова в бреду. Ночью он приходит в себя. “Да, любовь, — думает он, — но не та любовь, которая любит за что-нибудь, но та любовь, которую я испытал в первый раз, когда, умирая, я увидел своего врага и все-таки полюбил его. Любить ближних, любить врагов своих. Все любить — любить Бога во всех его проявлениях. Любить человека дорогого можно человеческой любовью; но только врага можно любить любовью Божеской. Любя человеческой любовью, можно от любви перейти к ненависти: но Божеская любовь не может измениться. Она есть сущность души. И из всех людей никого больше не любил я и не ненавидел, как ее... Ежели бы мне было возможно еще один раз увидеть ее. Один раз, глядя в эти глаза, сказать...” И в этот миг — перед ним Наташа, и лицо ее приближается. Это живая, настоящая Наташа. Он не удивился, но тихо обрадовался. “Простите! — сказала она шепотом... — Простите меня!” “Я вас люблю”, — сказал князь Андрей. “Простите...” “Я люблю тебя больше, лучше, чем прежде”, — сказал князь Андрей”. “С этого дня, во время всего дальнейшего путешествия Ростовых, на всех отдыхах и ночлегах, Наташа не отходила от раненого Болконского, и доктор должен был признаться, что он не ожидал от девицы ни такой твердости, ни такого искусства ходить за раненым”.

Проснувшись 3 сентября, Пьер вспомнил, что ему предстояло сделать в этот день. Он взял с собой кинжал. Москва горела уже со всех сторон. Путь Пьера лежал на Арбат. Он шел открыто, не обращая внимания на французов. Он как будто боялся ослабить чем-то свое намерение. Вдруг он услышал отчаянный плач женщины. Рядом сидели две девочки, от десяти до двенадцати лет, и мальчик лет семи. На руках старухи-няньки плакал младенец. Муж, невысокий сутуловатый человек в вицмундире, с неподвижным лицом раздвигал сундуки и вытаскивал из-под них какие-то одеяния. У них сгорела в пожаре дочь. Пьер нашел девочку в саду под скамейкой. Но там, где было прежде семейство чиновника, были уже другие люди. Пьер обращает внимание на грузинское или армянское семейство — это

был старик в новом тулупе и новых сапогах, старуха и молодая женщина

необыкновенной красоты. К армянам подошли французы. Один из них стащил со старика сапоги, другой молча смотрел на армянку. Пьер сунул кому-то ребенка и бросился к армянам. Мародер уже рвал с шеи армянки ожерелье, а та что-то кричала. Пьер отшвырнул мародера, сбил с ног и принялся бить кулаками. Появился конный разъезд французских уланов. Пьера избили, связали ему руки и обыскали. Пьер из всех задержанных подозрительных показался французам самым подозрительным. Его поместили отдельно под строгим караулом.

ТОМ

ЧЕТВЕРТЫЙ

ЧАСТЬ

I

Петербург жил по-старому; “и из-за хода этой жизни надо было делать большие усилия, чтобы сознавать опасность и то трудное положение, в котором находился русский народ”. Те же выходы, балы, французский театр, интересы дворов, интересы службы и интриги. На вечере у Анны Павловны князь Василий громко и певуче зачитал письмо преосвященного, написанное при посылке государю образа преподобного угодника Сергия. Новостью дня в Петербурге была болезнь графини Безуховой. Она неожиданно заболела несколько дней назад, пропустила несколько собраний, никого не принимала и вместо петербургских врачей вверилась какому-то итальянскому доктору. Все знали, что болезнь Элен проистекает от неудобства выходить замуж сразу за двух мужей. Почему-то говорили об ангине. Гости Анны Павловны поговорили и о положении отечества, делая разные предположения об исходе сражения, которое на днях должно было быть дано.

Назавтра приходит донесение Кутузова о том, что русские не отступили ни на шаг. Князь Василий утверждает, что недаром он был за Кутузова. Следующий день прошел без новостей, зато случилось страшное: графиня Елена Безухова умерла от страшного припадка той самой ангины, хотя поговаривали, что она просто выпила слишком много лекарств.

На третий день после донесения Кутузова прошла весть, что Москва сдана французам. Князь Василий говорит, что нельзя было ожидать ничего другого от слепого и развратного старика. Через девять дней после оставления Москвы в Петербург приехал посланный от Кутузова француз Мишо, не знавший по-русски, но, впрочем, хотя иностранец, но русский в душе, как он сам говорил про себя. Мишо передал государю то, что ему приказано было передать от Кутузова, — что под Москвою драться не было возможности и что, так как оставался один выбор — потерять армию и Москву или одну Москву, то фельдмаршал должен был выбрать последнее. Мишо заявил, что русские войска больше всего боятся, как бы император не решил заключить мир, и горят нетерпением снова драться... “Наполеон или я... Мы больше не можем царствовать вместе”, — заявляет Александр.

Некоторые размышления Толстого о войне и участии в ней людей: “В то время как Россия была до половины завоевана, и жители Москвы бежали в дальние губернии, и ополченье за ополченьем поднималось на защиту отечества, невольно представляется нам, не жившим в то время, что все русские люди от мала до велика были заняты только тем, чтобы жертвовать собою, спасти отечество или плакать над его погибелью... В действительности же это так не было... Большая часть людей того времени не обращали никакого внимания на общий ход дел, а руководствовались только личными интересами настоящего... Те же, которые

пытались понять общий ход дел и с самопожертвованием и героизмом хотели участвовать в нем, были самые бесполезные члены общества; они видели все наизусть, и все, что они делали для пользы, оказывалось бесполезным вздором, как полки Пьера, Мамонова, грабившие русские деревни, как корпия, щипанная барынями и никогда не доходившая до раненых, и т. п. ...В исторических событиях очевиднее всего запрещение вкушения плода древа познания. Только одна бессознательная деятельность приносит плоды...”

“Николай Ростов без всякой цели самопожертвования, а случайно, так как война застала его на службе, принимал близкое и продолжительное участие в защите отечества и поэтому без отчаяния и мрачных умозаключений смотрел на то, что совершалось тогда в России. Ежели бы у него спросили, что он думает о теперешнем положении России, он бы сказал, что ему думать нечего, что на то есть Кутузов и другие...” Он послан в командировку в Воронеж, куда и отправился с величайшим удовольствием. У воронежского губернатора Николай Ростов узнал про те заводы, на которых он мог достать лошадей. Губернатор пригласил его на прием в ближайший четверг. Там его представляют Анне Игнатьевне Мальвинцевой, тетке княжны Болконской. При упоминании о княжне Марье Ростов испытывает непонятное для него самое чувство застенчивости и даже страха. Губернаторша шуточно предлагает Николаю сосватать княжну. Николай признается ей, что мать давно хочет женить его на богатой, но ему противна мысль жениться из-за денег. “Но княжна Болконская, это другое дело; во-первых, она мне очень нравится, она по сердцу мне, и потом, после того как я ее встретил в таком положении, так странно, мне часто в голову приходило, что это судьба”. Но ведь он обещал Соне, а значит, женится на ней... Однако сваха собирается все устроить.

Согласно письму своего брата, княжна Марья с племянником и гувернером едет в Воронеж к тетушке Мальвинцевой. Когда, получив разрешение тетки, губернаторша при княжне Марье заговорила о Ростове, хваля его и рассказывая, как он покраснел при упоминании о княжне, — она не испытала ничего, кроме сомнений. Она все время думала о нем и не знала, как себя при нем вести. Через два дня Ростов приезжает — она подняла голову и блестящими глазами встретила его взгляд. Она была полна достоинства и грации, в голосе ее впервые зазвучали новые, женские грудные звуки. Мадемуазель Бурьен сражена. Если бы княжна Марья сама была в состоянии думать в эту минуту, она удивилась бы еще больше происшедшей в ней перемене. “В первый раз вся та чистая духовная внутренняя работа, которою она жила до сих пор, выступила наружу. Вся ее внутренняя, недовольная собой работа... любовь, самопожертвование — все это светилось теперь в этих лучистых глазах, в тонкой улыбке, в каждой черте ее нежного лица. Ростов увидел все это так же ясно, как будто он знал ее всю жизнь. Он чувствовал, что существо, бывшее перед ним, было совсем другое, лучшее, чем все те, которые он встречал до сих пор, и лучшее, главное, чем он сам”. После этой встречи все прежние удовольствия потеряли для Ростова свою прелесть.

Известие о Бородинском сражении, о наших потерях и, главное, о потере Москвы потрясает всех. Марья собирается ехать искать брата, которого нет в списках убитых. Николай получает письмо от Сони, которая возвращает ему свободу, и от

матери, которая пишет о полнейшем разорении и утрате всего состояния. Графиня сообщает также, что вместе с ними ехал в числе раненых князь Андрей, Соня и Наташа, как сиделки, ухаживают за ним. На следующий день Николай прочел письмо княжне Марье, и она отправляется в Ярославль. Сам Николай возвращается в полк.

Предыстория Сониного письма к Николаю. Мысль о женитьбе Николая на богатой невесте занимала все более мысли старой графини. А Соня была главным препятствием на этом пути. Так что жизнь Сони в доме графини становилась с каждым днем все тяжелее. Графиня потребовала наконец от Сони, чтобы она, пожертвовав собой, оплатила бы за все, что было для нее сделано, и разорвала свои связи с Николаем. Соня, рыдая, ответила, что сделает все, но не дала прямого обещания. Она не могла решиться на то, что от нее требовали. Вообще-то ее положение в доме было таково, что только на пути жертвования она могла выказывать свои достоинства, и она привыкла и любила жертвовать собой. Но прежде она сознавала, что тем самым возвышает себе цену в глазах других и становится более достойной Николая, которого она любила больше всего в жизни. А теперь ей предстояло отказаться от самого смысла жизни. Соня обрадовалась, когда князь Андрей оказался у них. Если он и Наташа женятся, то Николаю вследствие родства нельзя будет жениться на княжне Марье. Вот почему она и написала свое письмо Николаю в надежде, что оно не пригодится.

Пьер в плену у французов. Его сажают вместе с остальными подозрительными. Пьер узнает, что всех их будут судить за поджигательство. И вот — что-то вроде суда. Им задают множество вопросов. Они построены так, чтобы подвести подсудимого к желаемой цели, то есть к обвинению. Москва загорается то тут, то там. Из разговора французских солдат Пьер узнает, что ждут какого-то решения маршала. Через несколько дней к пленным входит очень важный офицер, судя по почтительному обращению караульных. Он делает переключку всем русским. Пьер своего имени не сказал. Офицер приказал привести пленных в приличный вид, после чего их повели к маршалу. Их стали по одному вводить в дом. Маршал Даву сидел в очках за столом в конце комнаты. Пьер подошел к нему. “Кто вы такой?” — спросил Даву. Пьер не мог вымолвить ни слова. Он знал Даву как человека, известного своей жестокостью. Пока Пьер колебался, Даву объявил Пьера русским шпионом. Даву приказывает его расстрелять.

Преступников расставляют по известному порядку, который был в списке (Пьер был шестой), и подводят к столбу. Забили барабаны. Этот бой отбил у Пьера способность думать и соображать. У него было только одно желание — чтобы поскорее было сделано это страшное. Старший офицер решил расстреливать по двое. Расстреляли четверых и повели пятого. Пьер понял, что спасен, что его и остальных привели сюда только для присутствия при казни.

После этого Пьера оставили одного в небольшой разоренной и загаженной церкви. Потом ему объявляют, что он прощен и поступает в барак военнопленных. Пьер в оцепенении. Он чувствует, что возвратиться к вере в жизнь — не в его власти. Молча и неподвижно сидит он у стены на соломе. Рядом с ним сидит какой-то маленький человек, присутствие которого Пьер заметил сначала по крепкому запаху Оота. Человек этот что-то делает в темноте со своими ногами и то и дело взглядывает на

него. Присмотревшись, Пьер увидел, что человек разувается. В его спорых движениях Пьер чувствовал что-то приятное и успокоительное, и он, не спуская глаз, смотрел на него. Человек успокаивает Пьера: “Не тужи дружок: час терпеть, а век жить!” Платон Каратаев — так зовут человека — дает Пьеру несколько печеных картошек. Он рассказывает Пьеру свою грустную историю о том, как попал в солдаты. В рекруты он пошел за своего брата, у которого было пятеро детей. В бараке, где Пьер провел четыре недели, было двадцать восемь человек, но один только Платон Каратаев остался навсегда в его душе самым сильным и дорогим воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго и... круглого. Он даже фигурой был кругл, и глаза его — большие, карие, нежные — были круглые. Платон был физически силен, ловок и спор, все умел делать, не очень хорошо, но и не дурно. Он всегда был занят и только по ночам позволял себе разговоры, которые любил, да песни. Речь его была полна поговорок. Часто Каратаев говорил совершенно противоположное тому, что утверждал прежде, но и то и другое было справедливо. Он хорошо говорил, украшая свою речь ласкательными словами и пословицами, которые, Пьеру казалось, Платон сам выдумывал; но главная прелесть его рассказов состояла в том, что в его речи события самые простые получали характер торжественного благообразия. Жизнь его, как сам Каратаев смотрел на нее, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал.

Узнав от Николая, что брат ее Андрей находится у Ростовых, княжна Марья отправилась кружным путем в Ярославль. Она была деятельна и энергична. Княжна убедилась, что была любима и любила. Но это счастье, душевное спокойствие в одном отношении давало ей еще большую возможность отдаваться целиком своему чувству к брату. Княжну Марью нежно встретила и обняла графиня Ростова. Марье представили Соню. Потом вбежала Наташа, и они обнялись. По лицу Наташи княжна Марья все поняла. Положение Андрея безнадежно.

Увидав, лицо Андрея и встретившись с ним взглядом, княжна Марья почувствовала, что слезы вдруг пересохли и рыдания остановились. Уловив выражение его лица и взгляда, она вдруг оробела и почувствовала себя виноватой. “Да в чем же я виновата?” — спросила она себя. “В том, что живешь и думаешь о живом, а я!..” — отвечал его холодный, строгий взгляд. В глубоком, не из себя, но в себя смотревшем взгляде Андрея была почти враждебность. Княжна Марья пожалала его руку. Он чуть заметно поморщился от прикосновения ее руки. Он молчал, и она не знала, что говорить. Она поняла то, что случилось с ним за два дня (о которых говорила ей Наташа). В словах, в тоне его, в особенности во взгляде этом — холодном, почти враждебном взгляде — чувствовалась страшная для живого человека отчужденность от всего мирского.

Княжна Марья, выйдя от князя Андрея, поняла вполне все то, что сказало ей лицо Наташи. Она не говорила больше с Наташей о надежде на спасение.

Князь Андрей не только знал, что умрет, но чувствовал, что умирает, что он уже умер наполовину. Он испытывал сознание отчужденности от всего земного и радостной и странной легкости бытия.

Прежде он боялся конца. Он два раза испытал это страшное, мучительное чувство

страха смерти, конца, и теперь уже не понимал его. Первый раз он испытал это чувство тогда, когда граната волчком вертелась перед ним и он смотрел на жнивье, на небо и знал, что перед ним была смерть. Чем больше он, в те часы страдальческого уединения и полубреда, которые он провел после своей раны, вдумывался в новое, открытое ему начало вечной любви, тем более он, сам не чувствуя того, отрекался от земной жизни. Всё, всех любить, всегда жертвовать собой для любви значило никого не любить, значило не жить этою земною жизнью. Но после появления Наташи, прижав к губам ее руку, он заплакал тихими, радостными слезами, любовь к одной женщине незаметно закралась в его сердце и опять привязала его к жизни. То, что Наташа называла: это сделалось с ним, случилось с ним за два дня перед приездом княжны Марьи. Это была та последняя нравственная борьба между жизнью и смертью, в которой смерть одержала победу. Это было вечером. Он был, как обыкновенно после обеда, в легком лихорадочном состоянии, и мысли его были чрезвычайно ясны. Соня сидела у стола. Он задремал. Вдруг ощущение счастья охватило его. “Ах, это она вошла!” — подумал он. Действительно, на месте Сони сидела только что неслышными шагами вошедшая Наташа. “Неужели только затем так странно свела меня с нею судьба, чтобы мне умереть?.. Неужели мне открылась истина жизни только для того, чтобы я жил во лжи?..” — сказал он и вдруг невольно застонал. Засыпая, он думал все о том же — о жизни и смерти. И больше о смерти. Он чувствовал себя ближе к ней. “Любовь? Что такое любовь? — думал он. — Любовь мешает смерти. Любовь есть жизнь. Все, все, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Все связано одною ею. Любовь есть Бог, и умереть — значит мне, частице любви, вернуться к общему и вечному источнику”. Но чего-то недоставало в этих мыслях. И было то же беспокойство и неясность. Он заснул. И увидел во сне, как отворилась дверь и вошла смерть. И князь Андрей умер. Но в то же мгновение он вспомнил, что спит, и проснулся. “Да, это была смерть. Я умер — я проснулся. Да, смерть — пробуждение!” — это понял он. Это случилось с ним за два дня до приезда княжны Марьи. С этого дня началось для князя Андрея вместе с пробуждением от сна — пробуждение от жизни. Ничего не было страшного и резкого в этом, относительно медленном, пробуждении. При князе Андрее были княжна Марья и Наташа. Его исповедовали, причастили. Он поцеловал сына, потом, когда ему сказали, что так надо, благословил его.

ЧАСТЬ

II

Исторические размышления Толстого: “Для человеческого ума недоступна совокупность причин явления. Но потребность отыскивать причины вложена в душу человека. И человеческий ум, не вникнувши в бесчисленность и сложность условий явления, из которых каждое отдельно может представляться причиною, хватается за первое, самое понятное сближение и говорит: вот причина. В исторических событиях... самым первобытным сближением представляется воля богов, потом... исторических героев. Но стоит только вникнуть... воля исторического героя не только не руководит действиями масс, но сама постоянно руководима... Причин исторического события — нет и не может быть”. После Бородинского сражения, занятия неприятелем Москвы и сожжения ее важнейшим эпизодом войны 1812 года историки признают движение русской армии

с Рязанской на Калужскую дорогу и к Тарутинскому лагерю — так называемый фланговый марш за Красной Пахрой. Даже иностранные историки, говоря об этом фланговом марше, признают гениальность русских полководцев. Дело же обстояло так. На совете в Филях преобладающей мыслью было отступление по прямому направлению назад, то есть по Нижегородской дороге. О Тарутинской позиции никто и не думал. Но бесчисленное количество обстоятельств и появление опять французских войск, и проекты сражения, и, главное, обилие провианта в Калуге заставили нашу армию еще более отклониться к югу и перейти с Тульской на Калужскую дорогу, к Тарутину. Заслуга Кутузова не состояла в каком-нибудь гениальном, как это называют, стратегическом маневре, а в том, что он один понимал значение совершившегося события.

Наполеон присылает к Кутузову Лористона с просьбой о мире, хотя слова в письме особого четкого смысла не имели. В месяц грабежа французского войска в Москве и спокойной стоянки русского войска под Тарутиным совершилось изменение в соотношении силы обеих войск (духа и численности), вследствие которого преимущество силы оказалось на стороне русских. Наступление стало необходимым.

Русская армия управлялась Кутузовым и государем из Петербурга, где еще до оставления Москвы был составлен подробный план войны и прислан Кутузову для руководства. В штабе армии, по случаю враждебности Кутузова со своим начальником штаба, Бенигсеном, шла сложная игра партий, стояла путаница. Уступая настояниям государя и Бенигсена, 4 октября утром Кутузов подписал диспозицию. Ее отослали для исполнения генералу Ермолову. А тот как раз загулял. Наутро дряхлый Кутузов с неприятным сознанием того, что он должен руководить сражением, которого он не одобрял, выехал к тому месту, где должны были быть собраны наступающие колонны. Солдаты занимались кашеварством, рубкой дров и проч. Офицер доложил, что никакого приказа о наступлении не было. Наступление началось через день. Люди шли весело. Перебежчик из французского лагеря сообщил, что Мюрат ночует в версте от них и его можно взять живьем. Отправляется отряд. Появление казаков вызывает панику среди французов. “Ежели бы казаки преследовали французов, не обращая внимания на то, что позади и вокруг них, они взяли бы и Мюрата, и все, что тут было. Но нельзя было сдвинуть с места казаков, когда они добрались до добычи и пленных”. Взято было тут же тысяча пятьсот человек пленных, тридцать восемь орудий, знамена... и различные предметы.

Между тем с фронта другая колонна должна была напасть на французов, но при этой колонне был Кутузов. Он не двигался. Когда ему сказали, что войска Мюрата отступают, он приказал наступление; но через каждые

сто шагов останавливался на три четверти часа. Вследствие этого сражения Кутузов получил алмазный знак, Бенигсен тоже получил алмазы и сто тысяч рублей... Из всего, что мог сделать Наполеон: зимовать в Москве, идти на Петербург, идти на Нижний Новгород, идти назад, севернее или южнее, тем путем, которым пошел потом Кутузов, — глупее и пагубнее того, что сделал Наполеон, то есть оставаться до октября в Москве, предоставляя войскам грабить город, потом, колеблясь,

оставить или не оставить гарнизон, выйти из Москвы, подойти к Кутузову, не начать сражения, пойти вправо, опять не попытавшись пробиться, пойти не по той дороге, по которой пошел Кутузов, а пойти назад на Можайск и по разоренной Смоленской дороге, — глупее этого, пагубнее для войска ничего нельзя было придумать, как то и показали последствия.

Наполеон дарит Москве конституцию, учреждает муниципалитет, обращается к жителям с воззванием к порядку и дисциплине. Возобновляется богослужение в храмах. Сидя в Москве, Наполеон призывал жителей возвращаться в свои дома, гарантировал порядок. Он приглашает в город торговцев. Для поднятия духа постоянно делались смотры и раздавались награды. Император разъезжал по улицам и утешал жителей.

Послы Наполеона с предложениями о мире не были приняты Александром. После казни мнимых поджигателей сгорела другая половина Москвы. Грабежи не прекратились, несмотря на запреты и угрозы. Богослужение не возобновилось. Два или три священника, найденные в Москве, попробовали исполнить волю Наполеона, но из этого ничего не получилось. Церкви были разграблены, одного из священников прибил по щекам французский солдат. Трудолюбивых ремесленников что-то не появилось, а крестьяне ловили тех комиссаров, которые слишком далеко заезжали с этим провозглашением, и убивали их.

“Войско это, как распущенное стадо, топча под ногами тот корм, который мог бы спасти его от голодной смерти, распадалось и гибло с каждым днем лишнего пребывания в Москве... Оно побежало только тогда, когда его вдруг охватил панический страх, произведенный перехватами обозов по Смоленской дороге и Тарутинским сражением... Убегая из Москвы, люди этого войска захватили с собой все, что было награблено. Наполеон тоже увозил с собой свой собственный 4гезог... Положение всего войска было подобно положению раненого животного, чувствующего свою погибель и не знающего, что оно делает”.

Пьер все еще был пленником у французов. Одевание его состояло теперь из грязной продраной рубашки, солдатских порток, завязанных для тепла веревочками на шиколотках по совету Каратаева, из кафтана и мужицкой шапки. Он уже не казался толстым, хотя и оставлял впечатление крупности и силы. Борода и усы обросли нижнюю часть лица; отросшие, спутанные волосы на голове, наполненные вшами, курчавились теперь шапкою. Глаза его смотрели твердо, как никогда не смотрели раньше. Прежняя его распущенность заменилась энергической, готовой на деятельность и отпор подобранностью. Каратаев шьет рубаху французу. Пьер в плену уже четыре недели. Ему пришлось испытать крайние лишения, какие только может испытать человек. И именно в это-то время он получил спокойствие и довольство собой, к которым он тщетно стремился прежде — через ужас смерти, через лишения и через то, что он понял в Каратаеве. Вспоминая часто свой разговор с князем Андреем, который говорил, что счастье бывает только отрицательное, Пьер соглашался с ним. Отсутствие страданий, удовлетворение потребностей и вследствие того свобода выбора занятий, то есть образа жизни, представлялись теперь Пьеру несомненным и высшим счастьем человека. Только здесь Пьер научился ценить простые житейские вещи: еду, питье, сон, тепло, разговор с

человеком. Мечта Пьера — свобода. А между тем впоследствии он с восторгом вспоминал об этом полном душевном спокойствии, о совершенной внутренней свободе, которые он испытал только в это время. В первых числах октября Наполеон опять послал парламентаря к Кутузову, но получил тот же ответ: о мире речи быть не может. Вскоре русские узнали о бегстве французов. В партизанском отряде Дорохова получили сведения о движении французов и предложили Кутузову атаковать их. Кутузов отправил генерала Дохтурова, того самого скромного, маленького Дохтурова, которого во времена всех войн русских с французами, с Аустерлица и до тринадцатого года, мы находим начальствующим везде, где положение трудно. В Аустерлице он остается последним у плотины Аугеста, собирая полки, спасая что можно, когда все бежит и гибнет и ни одного генерала нет в арьергарде. Больной, в лихорадке, он идет в Смоленск с двадцатью тысячами, и Смоленск держится целый день. В Бородинский день, когда убит Багратион, туда посылается именно Дохтуров. 10 октября, когда Дохтуров остановился в деревне Пристове, все французское войско вдруг без причины повернуло на новую Калужскую дорогу и стало входить в Фоминское. У Дохтурова под командою было три небольших отряда. На следующий вечер пленный говорит, что вошедшие в Фоминское войска составляют авангард всей большой армии, Наполеон тоже тут и что армия вся уже пятый день вышла из Москвы. Сообщают в штаб дежурному генералу. Той же ночью идут к Кутузову. “Скажи, скажи, дружок, — сказал он посланному... — Подойди, подойди поближе. Какие ты привез мне весточки? А? Наполеон из Москвы ушел? Воистину так?.. Говори, говори скорее, не томи душу”. Услышав подтверждение, он повернулся к красному углу избы, черневшему от образов. “Господи, Создатель мой! Внял ты молитве нашей... — дрожащим голосом сказал он, сложив руки. — спасена Россия. Благодарю тебя, господи!” — И он заплакал.

“Со времени этого известия и до конца кампании вся деятельность Кутузова заключается только в том, чтобы властью, хитростью, просьбами удерживать свои войска от бесполезных наступлений, маневров и столкновений с гибнущим врагом... Кутузов везде отступает, но неприятель, не дожидаясь его отступления, бежит назад, в противную сторону”. Один раз Наполеон чуть не попал в руки казаков. И вот, под влиянием страха, которого он набрался от казаков, он отдал, как говорят историки, приказание об отступлении назад на Смоленскую дорогу. Там французы с поразительной энергией и быстротой неслыханной побежали к Смоленску. Их было сто тысяч человек. Каждый из них желал только одного — отдаться в плен, избавиться от всех ужасов и несчастий. Кутузов один все силы свои употреблял на то, чтобы противодействовать наступлению. Но все высшие чины армии хотели отличиться, отрезать, перехватить, опрокинуть французов.

ЧАСТЬ

III

“... в 1812-м году французами одержана победа под Москвой. Москва взята, и вслед за тем, без новых сражений, не Россия перестала существовать, а перестала существовать шестисоттысячная армия, потом наполеоновская Франция. Натянуть факты на правила истории, сказать, что поле сражения в Бородине осталось за

русскими, что после Москвы были сражения, уничтожившие армию Наполеона, — невозможно... Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородина и опять отступление, оставление и пожар Москвы, ловля мародеров, переим-ка транспортов, партизанская война — все это были отступления от правил”. Недаром Наполеон жаловался на это Александру (как будто существовали какие-то правила для того, чтобы убивать людей). Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все
нашествие.

Так называемая партизанская война началась со вступления неприятеля в Смоленск. Первым партизаном стал Денис Давыдов, учредивший 24 августа свой партизанский отряд, за которым последовали другие. Партизаны уничтожали Великую армию по частям. Был дьячок начальником отряда, взявший в месяц несколько сот пленных. Была старостиха Василиса, побившая сотни французов. Последние числа октября были временем самого разгара партизанской войны. Становится известно про французский транспорт, на который точат зубы и Денисов, и Долохов (тоже партизан с небольшим отрядом), и начальники больших отрядов. Денисов решает взять его сам. Посылают за “языком”. В это время появляются двое — офицер и казак — с поручением от генерала. Офицер этот Петя Ростов. Прежде он был ординарцем у генерала, командовавшего большим отрядом. Петя находится в постоянно счастливо-возбужденном состоянии и в постоянно восторженной поспешности не пропустить какого-нибудь случая настоящего геройства. Он торопился поспеть туда, где его не было. Петя просто вымолил у генерала, чтобы тот отправил его в отряд Денисова. Генерал при этом запретил ему участвовать в каких бы то ни было действиях Денисова. За ужином приводят пленного. Это был молоденький барабанщик. Приезжает Долохов. Денисов рассказывает ему про положение французского отряда. Долохов решает съездить проверить. Петя напрашивается ехать с ним. Они переодеваются во французские шинели и кивера и спускаются в лощину. Их вылазка прошла удачно. Утром Денисов приказал собираться. Петя не сказал Денисову, что брать его на задание запрещено. Завязалась перестрелка, и Петя ударил свою лошадь и, не слушая Денисова, поскакал вперед. Впереди слышны были выстрелы. Казаки и Долохов вскакали вслед за Петей в ворота дома. Петя скакал на своей лошади вдоль по барскому двору и, вместо того чтобы держать поводья, странно и быстро махал обеими руками и все дальше и дальше сбивался с седла на одну сторону. Он тяжело упал на мокрую землю. Пуля пробила ему голову. В числе отбитых Денисовым и Долоховым русских пленных был Пьер Безухов. Дорога, по которой вели русских пленных, с обеих сторон была уложена мертвыми лошадьми; пленных не кормили уже несколько дней. Из трехсот тридцати человек, вышедших из Москвы, теперь оставалось меньше ста. Каратаев был снова болен лихорадкой, с которой лежал в госпитале, когда туда нагрянули французы. В плену Пьер узнал не умом, а всем существом своим, жизнью, что человек сотворен для счастья; но теперь, в эти последние три недели похода, он узнал еще новую, утешительную истину — он узнал, что на свете нет ничего страшного, что, так как

нет положения, в котором бы человек был счастлив и вполне свободен, так и нет положения, в котором бы он был несчастлив и несвободен. Он узнал, что есть граница страданий и граница свободы и что эта граница очень близка. Одно было тяжело в первое время — это ноги. Но он не смотрел на них и думал о другом. Он не думал о Каратаеве, который слабел с каждым днем и, очевидно, скоро должен был быть пристрелен. Еще менее Пьер думал о себе. Он жил воспоминаниями и представлениями. Вчера вечером Пьер видел Платона Каратаева у костра. Тот слабым голосом рассказывал знакомую Пьеру историю. От взгляда на жалкое лицо Платона Пьера что-то неприятно кольнуло в сердце. На следующий день Платона Каратаева пристрелили — он не мог идти. Завыла собака, которая любила Платона. На всех лицах лежало строгое выражение.

У ворот разваленного дома стоял Долохов, мимо него шла толпа пленных французов. “Сколько?” — спросил он у казака. — “На вторую сотню”. При встрече с глазами проходивших пленных взгляд Долохова вспыхивал жестоким блеском. Денисов, с мрачным лицом, сняв папаху, шел позади казаков, несших к вырытой в саду яме тело Пети Ростова. “С 28-го октября, когда начались морозы, бегство французов получило только более трагический характер замерзающих и изжаривающихся насмерть у костров людей и продолжающих в шубах и колясках ехать с награбленным добром императора, королей и герцогов; но в сущности своей процесс бегства и разложения французской армии со времени выступления из Москвы нисколько не изменился”.

Далее Толстой высмеивает историков, находящих геройство и гениальность там, где их нет. Вот, например, геройство Наполеона при Красном, где он готовится принять сражение и сам командовать — и тотчас после этого бежит дальше, оставляя на произвол судьбы разрозненные части армии. Или вот доблестный маршал Ней, который ночью пробрался лесом в обход через Днепр и без знамен и артиллерии прибежал в Оршу. А каков последний отъезд императора от геройской армии! Даже эта подлость из подлостей на языке историков получает оправдание. “Для нас нет величия там, где нет простоты, добра и правды”, — пишет Толстой.

Цель русского войска не состояла в том, чтобы отрезать и поймать Наполеона с маршалами и армией. Цель народа была одна: очистить свою землю от нашествия.

ЧАСТЬ

IV

Смерть князя Андрея как-то сблизила Наташу с княжной Марьей, хотя они мало говорили между собой. А если и говорили, то и та и другая избегали упоминания о чем-нибудь, имеющем отношение к будущему.

Но княжне Марье, независимой хозяйке своей судьбы, опекунке и воспитательнице племянника, так или иначе приходилось покидать мир печали, в который они обе были погружены. Жизнь не останавливалась, и надо было жить. Начались приготовления к переезду в Москву. Наташа оставалась одна и с тех пор, как княжна Марья занялась этими приготовлениями, стала избегать и ее. В Москву Наташа ехать отказалась. Она погружена в воспоминания об Андрее. Но пришло письмо о гибели Пети. И Наташа мгновенно забыла себя и свое горе. Она побежала к бывшейся в рыданиях матери. Она не отходила от нее ни день ни ночь. Княжна Марья отложила свой отъезд. Соня, граф старались заменить Наташу, но не

могли. Три недели она безвыходно жила при матери, спала в кресле в ее комнате, поила, кормила ее и не переставая говорила с ней, потому что один нежный, ласкающий голос ее успокаивал графиню. Через месяц после известия о смерти Пети, заставшего графиню свежей и бодрой пятидесятилетней женщиной, она вышла из своей комнаты полумертвой и не принимающей участия в жизни — старухой. Но эта же рана вызвала Наташу к жизни. Она думала, что жизнь ее кончена. Но вдруг любовь к матери показала ей, что сущность ее жизни еще жива в ней. Проснулась любовь, и проснулась жизнь. Княжна Марья последние три недели, как за больным ребенком, ухаживала за Наташей. Они становятся подругами. Княжна Марья рассказывает Наташе о своем детстве, о своей матери, о своем отце, о своих мечтаниях. Наташа полюбила Марью и поняла непонятную ей прежде сторону ее жизни. В конце января княжна Марья уехала в Москву, и граф настоял, чтобы Наташа ехала с нею, с тем чтобы посоветоваться с докторами. (У Наташи было не все хорошо со здоровьем.)

* * *

При преследовании французов русская армия также таяла, так как был очень трудный поход. Приходилось бежать за французами по сорок верст в сутки.

* * *

Современники и историки ругали Кутузова, обвиняя его во всех бедах. “А между тем трудно себе представить историческое лицо, деятельность которого так неизменно постоянно была бы направлена к одной и той же цели” — изгнанию французов из России. Кутузов один говорил, что на Бородине русские одержали победу, что потеря Москвы не есть потеря России, что за десять французов он не отдаст одного русского, сдерживая войска от ненужных стычек с убегающими французами. И он же в Вильно сказал государю, что дальнейшая война за границей вредна и бесполезна”.

* * *

Пятого ноября, объезжая войска, Кутузов обратился к ним с торжественной речью, поблагодарив за верную службу. А потом по-стариковски сказал, что пока французы были сильны, русские сражались с ними, не жалея себя, и вдруг добавил, что, впрочем, их никто и не “звал”. “Поделом им, м... и в г...” Находясь в Вильно, Кутузов всячески сдерживал войска, он не хотел заграничного похода, не понимал “всей политики”. Он был истинно народным полководцем, изгнавшим врагов из России, и считал на этом свою миссию выполненной. Александр I был недоволен медлительностью старика, его нежеланием идти в Европу. Постепенно реальная власть от Кутузова перешла к государю, а старик незаметно умер в апреле 1813 года в Силезии, в небольшом городке Бунцлау. После освобождения из плена Пьер приехал в Орел, чтобы ехать далее в Киев, но заболел и пролежал три месяца. Во время выздоровления Пьер и окружающие увидели, как он изменился. Его взгляд на людей стал заинтересованным. Он научился слушать, не горячиться в разговоре. Пьер узнал о смерти князя Андрея, в день своего освобождения видел труп Пети, и Денисов сказал Пьеру о смерти Элен. Все это Пьер воспринял как божью волю. “Все есть Бог, без воли которого не упадет волос с головы человека”.

Как только французы оставили Москву, ее жители стали возвращаться. Через две

недели там было уже двадцать пять тысяч жителей. В 1813 году число их превысило уровень 1812 года. Первое время казаки и жители Москвы грабили ее, говоря, что забирают свое.

В Москву стали съезжаться обозы с продовольствием, сбивая цены на продукты; артели плотников рубили новые строения, чинили погорелые; купцы открывали торговлю; начались службы в храмах.

Узнав, что княжна Марья в Москве, Пьер поехал ее навестить и узнать о князе Андрее. У Болконской он встретил Наташу. Любовь вспыхнула в Пьере с прежней силой. Княжна видела возможность любви между Пьером и Наташей, и эта мысль наполнила ее душу радостью.

Наташа позже сказала княжне, что Пьер сделался чище, как будто прошел моральную баню.

Через несколько дней Пьер объяснился с княжной Марьи, попросив ее помочь ему в сватовстве, и уехал в Петербург. Наташа догадалась, что Пьер говорил о ней с Мари, она обрадовалась любви Пьера и огорчилась его отъезду в Петербург, но поняла необходимость всего происходящего.

ЭПИЛОГ

ЧАСТЬ

I

Прошло семь лет с 1812 года. Толстой рассуждает о сотне случайностей и совпадений, приведших Наполеона к власти, о его жалкой игре перед самим собой. Как люди, вначале проклинавшие его, стали вдруг восторгаться им, сделали из ничтожного злодея — гения. “Пути Господни неисповедимы”. Александр I не смог, находясь на вершине власти, облагодетельствовать свой народ, а отдал эту власть ничтожным и жалким людишкам.

Наташа в 1813 году вышла замуж за Безухова. Это было последним радостным событием в семье Ростовых. В тот же год умер старый граф, и распалась его семья. Умирая, он просил прощения у жены и сына за разорение их, за свое неумение управлять имением. Николай был с войсками в Париже, но получив известие о смерти отца, подал в отставку и уехал домой. Через месяц после смерти старика Ростова выяснилось, что долгов вдвое больше, чем имения. Николаю советовали отказаться от наследства, но он видел в этом оскорбление священной памяти отца. Он принял наследство с обязательством уплаты долгов.

Встретившись с княжной Марьей в Москве, Николай возобновил с ней прежние дружеские отношения и осенью 1814 года женился и переехал с женой, матерью и Соней в Лысые Горы.

В три года, не продавая имения жены, Николай расплатился со всеми долгами; еще через три года прикупил имение около Лысых Гор и к 1820 году хлопотал о покупке отцовского Отрадного, что составляло его любимую мечту. Николай поддерживал крестьян, следил за их благосостоянием, от этого происходил рост его доходов.

* * *

К 1820 году у Наташи было трое дочерей и сын, которого она страстно желала, а

теперь сама кормила. Она пополнела и поширела. Трудно было признать в ней прежнюю тонкую и подвижную Наташу. Теперь мало было в ней духовности, но видна была сильная, красивая и плодовитая самка. Теперь редко в ее глазах загорался прежний огонь, редко она пела, но если этот огонь сиял в ее глазах, она становилась красивее, чем прежде.

Наташа полностью отдалась семье и подчинила себе мужа. Он не смел не только ухаживать, но даже с улыбкой говорить с другими женщинами, не смел ездить на обеды в клубы так, для того чтобы провести время, не смел расходовать деньги для прихоти, не смел уезжать на долгий срок. Взамен же этого Пьер имел полное право у себя в доме располагать не только самим собой, как он хотел, но и всей семьей. Наташа у себя в доме ставила себя на ногу рабы мужа; и весь дом ходил на цыпочках, когда Пьер читал или писал у себя в кабинете. Стоило Пьеру показать какое-нибудь пристрастие, как оно постоянно выполнялось. Стоило ему выразить желание, как Наташа вскакивала и бежала исполнять его. После семи лет супружества Пьер был радостен и вполне счастлив.

* * *

Приехавший из Петербурга Пьер говорил Николаю и Денисову, что государь отошел от дел, передав правление в руки людей без чести и совести, таким как Аракчеев, Магницкий... И теперь все плохо: в судах воровство, в армии одна палка; что молодо, честно, то губят! Пьер говорил, что надо всем честным людям объединиться, чтобы в стране не наступила катастрофа.

Речи Пьера очень близки идеям декабристов; вероятно, он был знаком со многими будущими членами Северного общества.

ЧАСТЬ II

Рассуждая об истории народов, писатель приходит к выводу, что не отдельные личности “двигают и делают историю”, а народные массы, руководимые общественными интересами. И тот или иной лидер добивается большего успеха, если сможет уловить эти интересы.

Конец